

ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОТЧЕТЫ

ТРЕТИЙ ГОД

№ № 1-15

226-е по 240-е заседания

6 января - 4 февраля 1948 года

Нью-Йорк

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Двести двадцать шестое заседание	
1. Предварительная повестка дня	1
2. Доклады Генерального Секретаря о полномочиях представителей Аргентины и Канады в Совете Безопасности	1
3. Приветственное слово Председателя, обращенное к трем новым членам Совета Безопасности	1
4. Утверждение повестки дня	2
5. Обсуждение ситуации в Джамму и Кашмире	2
Двести двадцать седьмое заседание	
6. Предварительная повестка дня	4
7. Доклады Генерального Секретаря относительно полномочий представителей Канады, Соединенного Королевства и Украинской Советской Социалистической Республики	4
8. Утверждение повестки дня	5
9. Обсуждение ситуации в Джамму и Кашмире (продолжение)	5
Двести двадцать восьмое заседание	
10. Предварительная повестка дня	18
11. Утверждение повестки дня	18
12. Обсуждение ситуации в Джамму и Кашмире (продолжение)	18
Двести двадцать девятое заседание	
13. Предварительная повестка дня	45
14. Утверждение повестки дня	45
15. Обсуждение ситуации в Джамму и Кашмире (продолжение)	45
16. Каблограмма председателя Комитета добрых услуг по индонезийскому вопросу от 17 января 1948 года на имя Председателя Совета Безопасности	64
Двести тридцатое заседание	
17. Предварительная повестка дня	64
18. Утверждение повестки дня	64
19. Обсуждение ситуации в Джамму и Кашмире (продолжение)	64
Двести тридцать первое заседание	
20. Предварительная повестка дня	72
21. Утверждение повестки дня	72
22. Обсуждение индо-пакистанского вопроса	82
Двести тридцать второе заседание	
23. Предварительная повестка дня	85
24. Утверждение повестки дня	85
25. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	85

	Стр.
Двести тридцать третье заседание	
26. Официальное сообщение	103
Двести тридцать четвертое заседание	
27. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	105
Двести тридцать пятое заседание	
28. Предварительная повестка дня	116
29. Утверждение повестки дня	116
30. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	116
Двести тридцать шестое заседание	
31. Предварительная повестка дня	136
32. Утверждение повестки дня	136
33. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	136
Двести тридцать седьмое заседание	
34. Предварительная повестка дня	146
35. Утверждение повестки дня	146
36. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	146
Двести тридцать восьмое заседание	
37. Предварительная повестка дня	156
38. Чествование памяти Мохандаса К. Ганди	157
Двести тридцать девятое заседание	
39. Предварительная повестка дня	161
40. Утверждение повестки дня	161
41. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	161
Двести сороковое заседание	
42. Предварительная повестка дня	181
43. Утверждение повестки дня	181
44. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	181

ДВЕСТИ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Пятница 23 января 1948 года, 10 ч. 30 м. утра Лейк Соксес, Нью-Йорк

Председатель: Г-н Ф. ван-ЛАНГЕНХОВЕ (Бельгия)

Присутствуют представители следующих стран: Аргентины, Бельгии, Канады, Китая, Колумбии, Сирии, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Украинской Советской Социалистической Республики, Франции.

23. Предварительная повестка дня (документ S/Agenda 232)

1. Утверждение повестки дня.
2. Индо-пакистанский вопрос:

а) Письмо представителя Индии от 1 января 1948 года на имя Председателя Совета Безопасности относительно ситуации в Джамму и Кашмире (документ S/628)¹.

б) Письмо министра иностранных дел Пакистана от 15 января 1948 года на имя Генерального Секретаря относительно ситуации в Джамму и Кашмире (документ S/646)².

с) Письмо министра иностранных дел Пакистана от 20 января 1948 года на имя Председателя Совета Безопасности (документ S/655)³.

24. Утверждение повестки дня

Повестка дня утверждается.

25. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)

По приглашению Председателя представитель Индии г-н М. С. Сеталвад и представитель Пакистана сэр Мохаммед Зафрулла-хан занимают места за столом Совета.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Прежде чем дать слово представителю Индии, я должен исправить одно упущение. Вчера [231-е заседание] аргентинский представитель просил слова для краткого заявления. Если вы ничего не имеете против, я ему предоставляю это слово сейчас, и сразу же после этого представитель Индии выступит со своим заявлением.

Г-н АРСЕ (Аргентина) (*говорит по-испански*): Резолюция, которая была принята на [230-м] заседании 20 января 1948 года⁴ и которая касается назначения комиссии из трех членов для рассмотрения спорных вопросов, возникших между Индией и Пакистаном, не получила совпадающих голосов всех постоянных членов Совета Безопасности. Тем не менее, резолюция была признана имеющей силу, и Совет Безопасности собирается ее выполнить без дальнейших обсуждений.

Это решение является решением вопроса по существу и поэтому подпадает под пункт 3 статьи 27 Устава. Аргентинская делегация голосовала за эту резолюцию, и мои теперешние замечания не означают какого-либо изменения в нашей позиции в этом вопросе. Однако я считаю своей обязанностью указать, что с юридической точки зрения эта резолюция не имеет силы.

Я знаю, что это случилось не в первый раз. Однако это случилось впервые после того, как Аргентина была избрана в число членов Совета Безопасности. Чтобы не прерывать прений, имевших место по рассматриваемому вопросу в течение всего предыдущего заседания, я отложил свое выступление до сегодняшнего дня. Я ничего не имею против того, чтобы постоянные члены Совета Безопасности отказывались иногда пользоваться своей привилегией, если они считают это необходимым, но если они это делают, то пусть делают это открыто.

Воздержание от голосования — это способ замаскировать вето, и применяется этот способ или потому, что то или иное государство не желает голосовать за резолюцию, чтобы не создавать нежелательного прецедента в отношении тех случаев в будущем, когда противоположные решения окажутся более желательными, или потому, что оно не желает голосовать против, чтобы не создалось впечатление, будто оно против полезного решения, или же просто для того, чтобы дать меньше поводов к нападкам всех тех, кто борется с этой привилегией.

Это все, что я хотел сказать.

Г-н НОЭЛЬ-БЕЙКЕР (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Я не хочу входить в обсуждение заявления аргентинского представителя, но от лица своего правительства я считаю себя обязанным сделать замечание по существу только что им сказанного. Каждая письменная конституция всегда развивается на основании практики тех государственных органов, которые претворяют ее в жизнь. Процесс такого развития несомненно начался в Совете Безопасности, так же как и в Генеральной Ассамблее, где, по моему мнению, это развитие пошло наиболее важными и наиболее ценными путями.

Насколько я понимаю, до сих пор воздержание от голосования кого-либо из постоянных членов Совета Безопасности в вопросах по существу, на основании практики и прецедента в Совете Безопасности, не означало, что такой член голосовал против, и я надеюсь и верю, что такая концепция и практика будут применяться и в будущем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Я хочу дать слово еще только представителю Франции, так как Совет несомненно будет того мнения, что в настоящий момент нет надобности входить в обсуждение этого вопроса, хотя многие члены Совета Безопасности и хотели бы высказаться по поводу заявления аргентинского представителя.

¹ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, третий год, Дополнение за ноябрь 1948 года, стр. 139-144 англ. текста.

² Там же, стр. 67-87 англ. текста.

³ Там же, № 6, 231-е заседание.

⁴ Там же, Дополнение за ноябрь 1948 года, стр. 64 и 65 англ. текста.

Г-н де-ла-ТУРНЕЛЬ (Франция) (*говорит по-французски*): Я совершенно согласен с замечанием, только что сделанным представителем Соединенного Королевства. Французская делегация как в Генеральной Ассамблее, так и в Совете Безопасности постоянно придерживалась того взгляда, что воздержание от голосования не является голосованием против.

С этого момента вводится система одновременных переводов.

Г-н СЕТАЛЬВАД (Индия) (*говорит по-английски*): Речь, произнесенная представителем Пакистана 16 и 17 января [228-е и 229-е заседания], длилась свыше пяти часов и, насколько мне известно, побила рекорд продолжительности в истории существования Совета Безопасности и Организации Объединенных Наций. Я не хочу и не могу критиковать его за продолжительность сказанной им речи. Я полагаю, однако, что эта речь побила рекорд еще своими рассчитанными и злобными нападками на Индию, очень частыми отклонениями от сути вопроса и, наконец, намеренным игнорированием относящихся к вопросу фактов или их ловким извращением.

О чем я глубоко сожалею и чем я действительно огорчен — это то, что представитель соседнего государства, с которым мы желаем жить в мире и дружбе, позволил себе возводить против моего правительства многочисленные тяжкие обвинения, которые не только совсем не соответствуют фактам, но часто настолько невероятны, что им не может, по-моему, верить и сам представитель Пакистана.

От лица моего правительства я должен самым решительным образом опровергнуть эти обвинения. Эти ложные обвинения были сделаны в надежде запутать тот основной вопрос, на который пакистанское правительство не имеет надлежащего ответа. Однако затруднения, которые испытывает пакистанский представитель в своих попытках дать ответ моему правительству по основному вопросу, не оправдывают его выступление, полное самых оскорбительных утверждений, основанных, как я надеюсь доказать, на пердвергивании и извращении фактов.

Им было сказано, что мое правительство приняло участие в хорошо задуманном плане уничтожения мусульман Индии, и было указано, что религии и культуре свыше 35 миллионов мусульман, живущих в пределах Индийского Союза, угрожает опасность. Я уверен, что во всяком случае некоторые, если не все, члены Совета Безопасности знакомы приблизительно с количеством и распределением мусульманского населения в Индийском Союзе.

В настоящее время в Индии проживает свыше 35 миллионов мусульман. Они разбросаны по всей стране, и количество их находится в различном числовом отношении к остальному населению в зависимости от провинций. Их проживает меньше в южных провинциях, т. е. в Бомбее, Мадрасе и Центральных провинциях, чем в провинциях Западной Бенгалии и в Объединенных провинциях, а также в районах вокруг Дели. Широкие массы этих 35 миллионов мусульман,

даже там, где они являются небольшим меньшинством, жили и живут в нормальных и мирных условиях, никем и ничем не нарушаемых, по всей территории этих провинций Индийского Союза. Не является ли лишь один этот факт достаточным доказательством того, что обвинения, брошенные правительству Индийского Союза, в существующем якобы у него желании уничтожить мусульман являются намеренным и грубым извращением истины?

Точно так же важно отметить, что в то время как между некоторыми провинциями Индии и Пакистана имело место большое движение населения, как например из Западного Пенджаба и Северо-западной пограничной провинции в Восточный Пенджаб и в обратном направлении, вряд ли можно говорить о каком-либо движении мусульман из других частей Индийского Союза. В других частях страны эти мусульмане — земледельцы, ремесленники и торговый класс — продолжают жить мирно и беспрепятственно в Индийском Союзе. Выдающиеся мусульмане занимают почетные должности и важные посты в судебном ведомстве и в администрации Индии, а также входят в ее дипломатический персонал за границей. Так, работой очень важного посольства Индии в Вашингтоне ведают мусульманин. Один из мусульман был назначен послом в Египте, а другой — поверенным в делах в Бельгии. Нашим представителем в не столь отдаленной стране — в Бирме — также является мусульманин. Губернатор одной из провинций Индии — опять мусульманин. Наконец, в состав кабинета министров Индии входят тоже два мусульманина.

Ввиду всех этих неоспоримых фактов я заключаю, что обвинение, выдвинутое против моего правительства в том, что оно стремится уничтожить мусульман или что оно способствует выполнению такого плана, является абсурдным и не заслуживает серьезного внимания. Однако в надлежащий момент я сочту своей обязанностью коснуться в деталях тех фактов, которыми правительство Пакистана пыталось обосновать свое обвинение.

Это обвинение исходит от правительства, которое, к сожалению, совсем не выполнило своих обязанностей по отношению к меньшинству, проживающему на его территории. Пакистанский представитель намеренно умолчал о тех событиях в Пакистане, которые, как я надеюсь это показать в свое время, являются действительной причиной весьма печальных событий, происшедших в Индийском Союзе. Территория составляющая в настоящее время Западный Пенджаб, до раздела страны на два доминиона была в значительной части населена индусами и сикхами. В Северо-западной пограничной провинции и в Белуджистане также было значительное немусульманское население. Но в результате зверств, совершавшихся в Западном Пенджабе и других местах, почти все немусульманское население, за исключением лиц, насильно обращенных в мусульманскую веру, и за исключением похищенных женщин, бежало из этих районов Западного Пакистана. Что касается положения в Синде, то почти одна треть немусульманского населения уже ушла оттуда, и большое число немусульман

ожидает перевозочных средств, чтобы покинуть Синд.

Хотя даже и в настоящее время частично происходит такая миграция немусульманского населения из Западного Пакистана, переселение мусульман из Индии в Западный Пакистан фактически приостановилось. Такое положение наблюдается не только в Западном Пакистане. Еще недавно шла непрерывным потоком миграция немусульманского населения из Восточной Бенгалии в Западную Бенгалию, в то время как никакой миграции мусульман из Западной Бенгалии в Восточную Бенгалию не наблюдалось. Я хочу обратить внимание на вытекающее отсюда необходимое заключение: подавляющее большинство мусульман в Индийском Союзе чувствует себя на территории Индии в полной безопасности и не желает никуда уходить. Даже если мы возьмем Пенджаб, то, хотя в Восточном Пенджабе все еще проживает от 150 000 до 200 000 мусульман, как например, в Гургаонском округе, почти все немусульманское население покинуло Западный Пенджаб, Северо-западную пограничную провинцию и Белуджистан.

Ввиду таких фактов можно ли говорить о том, что существуют какие-либо, хотя бы и незначительные, основания, чтобы обвинять мое правительство в стремлении уничтожить мусульман, а тем более в каких-либо планах такого уничтожения? С другой стороны, определенная и открыто провозглашенная политика правительства Индии, Махатмы Ганди и Комитета Всеиндийского конгресса фактически основывается на том, чтобы не поощрять миграции мусульман из Индии, а создавать условия, необходимые для того, чтобы восстановить доверие у тех мусульман, которые эмигрировали, но желают возвратиться обратно.

Еще совсем недавно, 6 января 1948 года, из Карачи были получены сведения о массовом убийстве сикхов и о полном разграблении их имущества. Подробней я остановлюсь на этом позднее. 12 января на станции Гуджрат, находящейся в Западном Пенджабе, было произведено нападение на поезд, пришедший из Банну, в Северо-западной пограничной провинции, в котором находились беженцы-немусульмане. Согласно сообщению г-на Колин Рида в лондонской газете Daily Telegraph 1 300 беженцев было убито, 150 ранено и 400 пропало без вести. Всего в поезде находилось около 3 000 беженцев, и согласно полученным нами сведениям в числе 400 пропавших без вести пассажиров находилось 300 женщин, которые были, очевидно, похищены. Сопровождавший поезд военный отряд Индийского Союза был почти полностью уничтожен. В нападении на поезд принимали участие находившиеся в Гуджрате горцы и местные мусульмане. Я прошу членов Совета сравнить то спокойствие, которое в настоящее время царит на территории Индийского Союза, с духом беззакония, убийства и безудержного массового истребления людей, наблюдающегося даже теперь в Западном Пенджабе и Синде, доказательством чему являются два указанных мною события. Если бы я хотел следовать примеру представителя Пакистана, то я бы сослался на эти события как на доказательство того, что у пакистанского правительства существует план уничтожения немусульманского

населения. Однако я этого не делаю. Я не хочу соперничать с ним в выдумывании фантастических и необоснованных обвинений.

Коренную причину этих массовых истреблений, убийств и иных неслыханно жестоких преступлений надо искать в том, что мусульманские лидеры постоянно, в течение ряда лет, возбуждали ненависть в одной части населения против другой. Эта недопустимая пропаганда является существенной и неотделимой частью идеологии, которой руководится Мусульманская лига. Мусульманские массы постоянно росли и воспитывались в атмосфере этой доктрины ненависти, и их фанатизм возбуждался постоянными криками о том, что мусульманская религия и культура находятся в опасности.

В таких условиях неизбежно должны были разразиться массовые беспорядки. Они начались с оргии массовых убийств и ужасных преступлений, совершенных мусульманами в Калькутте, за которыми последовало такое же кровавое возмездие со стороны сикхов и немусульман в Калькутте. Это произошло в августе 1946 года. С тех пор эта история повторялась в различных местах Бенгалии, Бихара, Пенджаба и в других местах, но справедливость требует сказать, что, как правило, все эти неистовства и беспорядки были начаты мусульманами. Было бы также правильным сказать, что в некоторых случаях совершенные мусульманами убийства, грабежи, поджоги и другие преступления оправдывались, если не поощрялись, некоторыми мусульманами, занимающими высокие посты.

Эти преступления привели к переселению больших масс населения из районов мусульманского большинства в немусульманские районы. Эти беженцы рассказали о всех тех ужасах и горе, которое им пришлось пережить, и своими рассказами вызвали чувство возмущения среди немусульманского населения тех мест, где они нашли приют. Это возмущение вызвало желание отомстить и отплатить тем же живущему среди них мусульманскому населению. Таким образом время от времени вспыхивали эти чувства мести, приводившие к одинаково ужасным и отвратительным преступлениям, совершенным немусульманами по отношению к мусульманскому населению в различных частях страны, о которых я упоминал.

В свою очередь эти преступления принудили мусульманское население таких районов переселяться туда, где преобладающим элементом были мусульмане, и таким образом создавалась эта миграция мусульманских беженцев из Восточного Пенджаба, Дели и некоторых других мест в Западный Пенджаб и Синд. Так велики и разнообразны были эти эксцессы в некоторых местах страны, что невозможно точно определить очень большое число жертв этих событий. Некоторые определяют количество населения, мигрировавшего в обоих направлениях через границу, приблизительно в пять миллионов человек. Вот правильная картина этих убийств, движения беженцев и миграции населения.

Эти события явились результатом подстрекательства масс и массовых эксцессов. Ясно, что подобные чувства, охватив огромные массы населения, должны были неизбежно оказать влия-

ние также и на силы законности и порядка. Естественно, что эти чувства отразились на психологии полиции и армии обеих стран, почему и оказалось, что эти силы законности и порядка не выполняли свои обязанности. Но, несмотря на такое отношение к своим обязанностям и такое поведение сил законности и порядка, мы считаем, что было бы абсурдно приписывать эти события какому-то заранее задуманному плану уничтожения или изгнания части населения любым из этих правительств. Правда, что некоторые провинциальные власти смотрели сквозь пальцы на эти события и даже поощряли их. Такое попустительство и поощрение проявились в событиях в Калькутте, где власть принадлежала Мусульманской лиге, а также в Лахоре, в Западном Пенджабе.

Много было сказано о преступлении геноцида в представленном Пакистаном документе [документ S/646], и мой коллега представитель Пакистана также кое-что об этом сказал. Я уже указывал на фантастический характер и полную нелепость такого утверждения. В целях восстановления мира между индусами и сикхами, с одной стороны, и мусульманами, с другой стороны, главным образом в Дели и в окружающем его районе, Махатма Ганди лишь несколько дней тому назад начал свою голодовку. Несмотря на риск, связанный с его возрастом и слабым здоровьем, он сделал это, чтобы в указанной местности индусы и сикхи жили в мире и братстве с мусульманами. К счастью, он достиг своей цели и смог получить их согласие на принятие тех семи пунктов, относительно которых он хотел, чтобы они пришли к соглашению. Можно ли серьезно утверждать, что правительство Индии, признающее Махатму Ганди своим лидером, могло когда-либо строить планы или проводить политику уничтожения мусульман? Я повторяю, что эта фантастическая теория преступления геноцида не заслуживает серьезного внимания.

Как я уже сказал, ответственность за эти весьма печальные события, приведшие к столь многочисленным жертвам и к таким ужасным преступлениям, ложится на тех, кто в целях проведения своей политики умышленно распространяли по своей стране доктрину ненависти, возбуждая одну часть населения против другой, причем некоторые из этих лиц еще до сих пор занимают ответственные посты в правительстве Пакистана.

По нашему мнению, история этих событий, имевших место повсюду в Индии, эти события в Восточном Пенджабе и в княжествах Восточного Пенджаба, а также подробные отчеты о них, на которые ссылался пакистанский представитель, совершенно не имеют никакого отношения к спору относительно Джамму и Кашмира, происходящему в настоящее время между Индией и Пакистаном. Утверждалось, что эти события являются причинами создавшегося положения и что это положение можно понять лишь в свете тех причин, которые представитель Пакистана пытался описать. Это опять является утверждением, с которым мы не можем согласиться.

Мы утверждаем, что эти события и приведшие к ним причины совершенно не имеют никакого отношения к данному вопросу. Мы утверждаем,

что о них говорится в ответе, представленном от имени пакистанского правительства и, в заявлении его представителя только лишь для того, чтобы запутать вопрос, который, по нашему мнению, вполне ясен. Вопрос заключается в том, что, вообще говоря и независимо от того, было ли совершено нападение на княжество Джамму и Кашмир горцами или кем-либо иным, Пакистан как дружественное соседнее с Индией государство не выполнил, по нашему мнению, своих обязательств. Мы утверждаем, что нельзя осветить эту проблему рассмотрением тех различных событий, которые привели к теперешнему положению и о которых говорил представитель другой стороны. В самом деле мы считаем, что если мы войдем в обсуждение этих вопросов, то тем самым мы запутаем основную проблему и еще более ее усложним. Но так как мы уже начали их обсуждать, я считаю своей обязанностью коснуться и их деталей. Я уверяю членов Совета, что моему правительству нечего утаивать в этих вопросах, и я надеюсь, что в свое время мне удастся убедить в этом Совет Безопасности.

Это поразительно, как представитель Пакистана в своем стремлении обосновать свои утверждения был вынужден полагаться на недостоверные или просто неверные сообщения. Совет Безопасности вероятно помнит, как он говорил об убийстве бригадира Кхода Букса солдатами Догра, единственного бригадира-мусульманина кашмирской армии. В сообщении Associated Press от 31 октября говорится, что бригадир Кхода Букс, командир гарнизона в Джамму, единственный бригадир-мусульманин кашмирской армии, был убит в Джамму солдатами Догра. Я уверен, что Совет Безопасности будет поражен, узнав, что доблестный бригадир не только не был убит, но занимает в данный момент пост начальника штаба армии княжества Кашмир.

Я приведу членам Совета еще один пример того, как представитель Пакистана не стеснялся искажать факты. На днях он заявил, что Индия послала копию своего обращения к Совету Безопасности [документ S/628] пакистанскому правительству в виде зашифрованной телеграммы, зная при этом, что пакистанское правительство не имеет ключа к этому шифру.

31 декабря 1947 года правительство Индии послало свою жалобу Совету Безопасности и в тот же день препроводило ее текст правительству Пакистана. В тот же день мы снова послали в Пакистан текст нашей жалобы. 1 января 1948 года мы получили телеграмму из Пакистана, в которой сообщалось, что невозможно расшифровать текст нашей телеграммы. После этого мы послали в Пакистан сообщение, в котором снова повторялся текст жалобы, поданной нами в Совет Безопасности. 2 января 1948 года мы опять получили сообщение из Пакистана, что его правительство не смогло расшифровать наше сообщение при посредстве автоматической расшифровальной машины, называемой «Publex». После этого 3 января мы послали весьма подробную информацию относительно расшифрования сообщений при посредстве машины «Publex». 4 января от пакистанского правительства мы получили из Карачи следующее уведомление от 3 января: «Пожалуйста, аннулируйте нашу теле-

грамму за № 19. Мы расшифровали телеграмму. Сожалею, что причинили неудобство».

Я полагаю, что эти факты должны были быть известны представителю Пакистана. Его заключение, что мое правительство знало, посылая телеграмму пакистанскому правительству, что последнее не сможет расшифровать этой телеграммы, является совершенно необоснованным.

Конечно, сам по себе этот случай не так уже важен, но я упомянул о нем, так как он является типичным примером многих неправильных утверждений подобного характера, сделанных от имени пакистанского правительства. Мы полагаем, что это утверждение представило Совету совершенно искаженную картину хода событий, которую они здесь хитро нарисовали, пользуясь извращенными фактами.

Единственный и основной вопрос, который подлежит рассмотрению Совета, — это вопрос о нападении на Кашмир. Мы снова утверждаем, что, как правило, Пакистан не выполнил своих обязанностей в качестве соседнего миролюбивого государства, так как он пропустил через свою территорию налетчиков или, употребляя применяемые здесь выражения, он позволил пройти через свою территорию этим налетчикам, несмотря на их воинственные намерения. Кроме того, мы заявляем, что Пакистан оказывал этим захватчикам прямую и косвенную помощь. В этом, короче говоря, и заключается главный вопрос, подлежащий рассмотрению Совета Безопасности.

Прежде чем перейти к различным другим вопросам, которых я очень кратко коснулся, я хотел бы снова вернуться к главной проблеме. Я утверждаю, что в нашем распоряжении имеются определенные факты, которые неизбежно приводят нас к заключению, что Пакистан не может ответить на предъявленное ему нами обвинение в нападении на провинцию Джамму и Кашмир. Во-первых, не отрицалось, и этого нельзя отрицать, что в Кашмире скопились значительные отряды горцев. По последним имеющимся в нашем распоряжении сведениям на 11 января 1948 года их число достигает 60 000 человек.

Я хочу обратить внимание Совета Безопасности на сообщение Дугласа Брауна, опубликованное в лондонском Daily Telegraph, из которого я оглашу следующую выдержку:

«Вожди племен заявляют, что 60 000 патанов постоянно ведут военные действия в Кашмире, причем каждый из них принимает в них участие приблизительно в течение месяца. По их словам, они пользуются всеми дорогами, но из-за нежелания Пакистана сотрудничать с ними они предпочитают проходить через княжество Сват. До сих пор их потери выразились приблизительно в 400 убитых и 250 раненых».

Это самая важная часть сообщения. Я огласил ее с тем, чтобы показать, что на территории Кашмира находится до 60 000 горцев. Мало того что они там находятся, они еще постоянно пополняются, так что проникшие туда горцы остаются там около месяца, а затем заменяются другими, которые такими же путями проникают в Кашмир.

Я хочу обратить внимание Совета на те неизбежные выводы, к которым приводит нас географическое положение Кашмира, находящегося

возле Пакистана. Возможно ли, чтобы эти 60 000 патанов проникли туда и поддерживались в состоянии боеспособности, как это фактически имеет место, если бы Пакистан не хотел с ними сотрудничать в смысле пропуска их туда и обратно через свою территорию? Достаточно лишь взглянуть на карту, чтобы убедиться, что такие огромные банды горцев не смогли бы пройти через территорию Пакистана без содействия — выражаясь очень мягко — пакистанского правительства. Всякий, кто посмотрит на карту, может убедиться, что им приходится пересекать по крайней мере 160 километров территории Пакистана, прежде чем они попадают в Кашмир.

Я задаю членам Совета, как представителям ответственных правительств и как деловым людям, разбирающимся в таких делах, следующий вопрос: можно ли предположить, чтобы эти огромные вооруженные силы или банды горцев могли пройти через территорию Пакистана и получать свое снабжение в Кашмире без содействия Пакистана? Это очень простой вопрос, и единственный ответ, который можно на него дать, учитывая географическое положение Кашмира, это тот, который я уже привел.

Но это не все. Недавно мы получили сообщения о том, что банды горцев, находящихся на пути в Кашмир или прибывших в Западный Пенджаб с целью направиться в Кашмир, оказались в Лахоре, который, как известно, конечно, некоторым членам Совета, является главным городом провинции Западного Пенджаба в Пакистане. Мною получена телеграмма из Лондона, в которой приводятся сведения, присланные в лондонский The Times его корреспондентом из Лахора, под заголовком «Вооруженные банды горных племен в Лахоре и их танцы на лужайке гостиницы». Телеграмма эта датирована 22 января 1948 года. Я не могу сообщить Совету Безопасности точную дату опубликования этого сообщения в лондонском The Times, так как это не указано в телеграмме, которая гласит следующее:

«Вооруженная банда прибыла в Лахор, находящийся приблизительно в 500 километрах от начала Хайберского перевала. Она расположилась в 100 метрах от здания Ассамблеи Западного Пенджаба в одной старой гостинице, первоначально реквизированной провинциальными властями для главного управления организации помощи беженцам. Горцы племен Сулейман Кхел и Шинвари ведут себя с обычной непосредственностью и пренебрежением к условностям. Сейчас они танцуют свои танцы племен на лужайке гостиницы, и гром барабанов слышен вдоль всего проспекта Молл.

Несмотря на недавнее распоряжение местных властей, запрещающее ношение оружия, каждый из них имеет винтовку, выстрелами из которой они выражают, повидимому, свое удовлетворение танцами. Пока что эти «веселые выстрелы» не напоминают полиции ее обязанностей.

Сегодня вечером они танцевали по всем улицам в знак больших проводов, устроенных в честь их сотоварищей, отправляющихся в Джамму. В своих танцах они останавливались перед памятником королевы Виктории, находящемся на Чаринг-кросс, и повидимому были добродушно на-

строены, но когда их процессия начала двигаться вдоль проспекта Молл, темп барабанов ускорился и ружейная стрельба навела панику на нескольких лошадей и на небольшой караван верблюдов».

Таково положение в Лахоре. Наш вывод из этого ясен. Не только в отдаленной пограничной полосе между горными районами и Северо-западной пограничной провинцией накапливаются эти горцы, «сбегая с холмов подобно диким козам», как об этом картинно говорил мой осведомленный коллега, но также появляются в виде хорошо организованных банд уже прямо в главном городе Западного Пенджаба. Там их принимают весьма гостеприимно. Полицейские правила к ним не применяются. Им позволено делать все, что они хотят, и находясь там, они устраивают проводы своим сотоварищам, часть которых идет сражаться в Джамму.

Об этом и говорится в телеграмме, но это еще не все. Некоторые американские газеты поместили фотографии этих горцев, которые организованы в банды на территории Пакистана. Я не буду утруждать членов Совета этими многочисленными фотографиями, но я хочу упомянуть об одной из них, появившейся в журнале Life от 5 января 1948 года. На странице 16 этого номера журнала эти горцы-мусульмане изображены с винтовками и патронташами перед своей погрузкой на частные грузовые машины для отправки на кашмирский фронт. Таким образом, эти горцы открыто перевозятся в так называемых «неофициальных» грузовых машинах через территорию Пакистана. Я утверждаю, что эти снимки являются очень веским доказательством всего того, о чем мы говорим в своей жалобе Совету Безопасности.

Каков же был ответ Пакистана? Откровенно говоря, мы нашли, что ответ Пакистана трудно понять, так как, по нашему мнению, в нем имеется ряд противоречий. Так в нем было сказано: «Мы сделали все возможное, чтобы, не прибегая к военным мерам, помешать горцам пересекать нашу территорию». Это один ответ. Еще другие ответы были даны моим коллегой, сидящим по другую сторону стола. Он сказал, например, следующее: «Мы имеем очень длинную границу и поэтому трудно уследить за этими горцами. Зимой они спускаются с гор для различных закупок на рынках и для приискания работы». Кроме того, он также сказал: «В силу этого уже в течение ряда лет горцы переходят границу».

Я хочу подчеркнуть тот факт, что до 15 августа, когда Соединенное Королевство еще несло ответственность за эту границу, горцы действительно пересекали ее ежегодно, но лишь в небольшом числе и для определенных целей. Был ли когда-либо такой наплыв горцев в то время, когда граница охранялась Соединенным Королевством, и наблюдалось ли то, что происходит сейчас? Разрешалось ли этим вооруженным людям спускаться с гор не только в Западный Пенджаб, но также и в соседнее государство Джамму и Кашмир, подобно тому как это происходит теперь? Насколько я знаю, там всегда существовали пограничные посты, и когда горцы к ним подходили и получали разрешение на доступ в Пакистан, то у них при этом временно отбиралось

оружие, чтобы предотвратить возможность каких-либо злоупотреблений им на территории Пакистана. Нам известно, что такие военные пограничные посты, находившиеся в пограничной полосе или возле нее в северной части Пакистана, были сняты. Нам неизвестно, по какой причине они были сняты, но это было объяснено тем, что эти горцы настроены дружелюбно. Однако настоящая причина нам неизвестна.

Разве при таких обстоятельствах было бы слишком смело утверждать, что это намеренное упразднение военных пограничных постов, существовавших в течение ряда лет, было сделано исключительно в целях потворствовать проникновению горцев на территорию Пакистана, с тем чтобы предоставить им возможность беспрепятственного и удобного прохода в Кашмир? Как я уже сказал, нам это неизвестно, но мы предполагаем, что это соображение является мотивом упразднения пограничных постов.

В своем ответе Пакистан заявил, что им сделано все возможное, чтобы, не прибегая к военным мерам, предотвратить возможность прохода этих вооруженных отрядов через его территорию; но получил ли Совет Безопасности какие-либо существенные и неопровержимые доказательства попыток Пакистана предупредить возможность такого прохода этих горцев? Я позволю себе утверждать, что таких доказательств Совету не было представлено. Напротив, имеются доказательства тому, что не только не было принято никаких мер, которые пресекли бы или предупредили проход этих горцев, но что Пакистан подстрекал и поощрял их к этому.

Недавно в газетах появились сообщения о посещениях этих районов премьер-министром Пакистана, и было указано, что эти посещения были сделаны с целью повлиять на эти горные племена и убедить горцев воздержаться от проникновения на территорию Пакистана и от перехода через нее в Джамму и Кашмир. Какова же фактическая сторона этих посещений? Здесь опять я обращаю внимание на сообщение специального представителя английской газеты The Statesman, выходящей в Дели и Калькутте. Вот это сообщение: «Очень большое число жалоб горцев против арестов в Пакистане тех из них, которые настаивали на необходимости проникнуть в Кашмир, вызывает подозрение в том, что это является пропагандой. Трудно согласовать эти жалобы с наличием в Пакистане многих сотен вооруженных патанов, которых я сам лично видел на пакистанской границе района Джамму, и с несомненным наличием по крайней мере нескольких тысяч людей этих племен на Азадском фронте в Кашмире». Другими словами, эти посещения премьер-министра делались не в целях предотвратить проникновение горцев в Пакистан и даже не с целью убедить их не делать этого. Если корреспондент прав, то, с одной стороны, имеются видимость попыток убеждения, а, с другой стороны, содействие или по крайней мере потворство прохождению этих людей через территорию Пакистана.

У нас также имеется сообщение о заявлении, сделанном премьер-министром Пакистана 15 января во время его посещения 15 января Пешавара. Вот что он тогда сказал в своей речи:

«Правительство Индии решило захватить Кашмир силой оружия, с чем мусульмане никогда не примирятся. Действия этого правительства являются полным контрастом по сравнению с действиями Пакистана, который воздерживается от посылки своих войск в Джунгад». Кроме того, он сказал, что «горцы будут приравнены во всех отношениях к гражданам Пакистана».

Предположив, что это сообщение правильно, — а я именно так и думаю, — мы узнаем о заявлении премьер-министра Пакистана, в котором горцы приравниваются во всех отношениях к гражданам Пакистана. Комментарии к такого рода заявлению излишни, так как из него неизбежен вывод, что эти горцы, будучи приравнены к гражданам Пакистана, пользуются правом проникать тысячами в государство Джамму и Кашмир в тех целях, которые ими преследуются.

После всего сообщенного мною Совету Безопасности, в особенности после последних моих замечаний, я полагаю, что логически нельзя не прийти к заключению, что Пакистан действительно сотрудничает с этими массами горцев, которые проникли в Джамму и Кашмир.

В связи с этим делегацией Индии было указано, что на территории Пакистана действительно существуют базы снабжения этих горцев. Вместе с тем, я хочу обратить внимание на выдержку из меморандума от 12 декабря 1947 года, представленного подполковником Дугласом Липером, О.Б.Е., главному секретарю правительства Северо-западной пограничной провинции. Выдержка из меморандума гласит: «Однако имеется и другой фактор, который мы должны принять во внимание, а именно то, что в Парачинаре» — это часть Северо-западной пограничной провинции — «последнее время можно почти постоянно встретить «лашкар»⁵, состоящие из хорошо вооруженных людей, преимущественно ханов, на их пути в Кашмир. Иногда их число бывает менее 1 000 человек, но однажды мы их насчитали до 5 000 человек».

В этом заявлении, сделанном в письме ответственного административного лица Северо-западной пограничной провинции, указывается на создание и существование в Парачинаре базы, в которой находятся горцы в количестве от 1 000 до 5 000 человек. Может ли быть еще более ясное документальное доказательство существования таких баз, которые, по нашему утверждению, имеются в Пакистане и предоставлены в пользование этих горцев?

Теперь я снова возвращаюсь к основному положению. Если представленные мною Совету Безопасности доказательства достаточны, — а я полагаю, что они достаточны для того, чтобы прийти к заключению, что Пакистан оказывает содействие этим горцам, — то я утверждаю, что Пакистан явно нарушил свои международные обязательства.

Позвольте мне представить создавшееся положение следующим образом: Пакистан претендует на то, что он желает выполнять свои международные обязательства, но что он не в состоянии пресечь проникновение этих горцев в Джамму и Кашмир. Но это не ответ, и я уверен, что члены

Совета Безопасности это хорошо понимают. Ни одно государство не может заявлять, что оно не в состоянии воспрепятствовать проходу через его территорию вооруженных банд и нападению их на соседнее государство.

Но допустим на момент, — хотя я этого и не допускаю, — что Пакистан прав в своем заявлении. Тогда, конечно, очень легко исправить положение. Пакистан должен открыто заявить: «Мы не имеем возможности предотвратить проникновение этих горцев на нашу территорию. Или помогите нам оградиться от них, или мы принуждены будем принять для этого какой-либо метод борьбы». Если заявление Пакистана правдиво, то, по моему мнению, такой ответ явился бы тем прямым и откровенным ответом, который он должен был бы дать. Мы уже неоднократно заявляли, что если положение действительно таково, то мы охотно готовы сотрудничать с Пакистаном, чтобы избавиться от проникновения этих горцев. Поскольку это касается нашего правительства, оно нисколько не считает это трудным. Но, конечно, нельзя предположить, чтобы дружественное соседнее государство, каким является, повидимому, Пакистан, не может якобы справиться с этими горцами и в то же время противиться всему, что может быть предпринято против них.

Вот вкратце все, что касается общей проблемы. Я полагаю, что люди, знакомые с государственными делами, могут вполне ясно представить себе создавшееся положение. Может ли какое-либо государство терпеть на своей территории подобное положение? Предположим, что какое-либо из представленных в Совете Безопасности государств подверглось нападению таким же образом организованных больших вооруженных сил. Может ли какое-либо соседнее государство ответить в подобном случае: «Мы не можем этого пресечь и мы не позволим никому это сделать». Я спрашиваю членов Совета Безопасности, — причем я подхожу к этому вопросу не с юридической, а с общей политической точки зрения, — могут ли они считать такой ответ приемлемым. Вот то положение, которое я покорнейше прошу Совет Безопасности подробно рассмотреть.

Оставляя на момент эту сторону вопроса, я возвращаюсь к заявлению, неоднократно делавшемуся от имени пакистанского правительства, а именно, о том, что эти вооруженные силы, проникшие в княжество Джамму и Кашмир, являются армией освобождения. Прежде чем перейти к рассмотрению такого утверждения, предположим, что это действительно армия освобождения, хотя фактически этого, конечно, нет. Однако допустим, что это так. Может ли считаться это надлежащим ответом со стороны пакистанского правительства? Я позволю себе утверждать, что это не является таким ответом.

Предположим, что в каком-либо государстве происходит революция или восстание. Дает ли это основание — я опять прошу Совет Безопасности обратить на это внимание — соседнему государству сотрудничать с налетчиками из пограничных с ним стран, нападающими на государство, в котором происходит восстание или мятеж?

Предполагая, что в Джамму и Кашмире надо кого-то освобождать, что конечно неверно, я ут-

⁵ Вооруженные отряды.

верждаю, что если бы это было так, то позиция, занятая пакистанским правительством, ничем не оправдывается.

Но несомненно, что при рассмотрении этой проблемы в ее целом Совету Безопасности предстоит решить вопрос: является ли эта армия армией освобождения? Я согласен с тем, что это армия, а не просто банда налетчиков. Это обученная и снаряженная армия, вооруженная минометами и руководимая офицерами. Это армия, но не освобождения, а армия, которая несет смерть и страдания сикхам, индусам и мусульманам, похищает женщин, все грабит и сжигает на своем пути. И я утверждаю, что то, что делает эта армия в Джамму и Кашмире, является неопровержимым доказательством того, что она пришла туда не для оказания помощи населению Джамму и Кашмира в какой-либо борьбе, которую оно могло бы вести против своих правителей. Эта армия находится там в целях грабежа, причем в своих действиях она не делала никакого различия между мусульманами, индусами или сикхами. В связи с этим необходимо напомнить Совету Безопасности, что очень большой процент населения Джамму и Кашмир состоит из мусульман. Если вы возьмете княжество Кашмир, то мусульмане в нем составят 78 процентов. В Джамму их процент меньше. В некоторых районах численное отношение количества мусульман к немусульманскому населению гораздо больше.

В нашем распоряжении имеется много доказательств того, чего достигла эта «армия освобождения» на территории Джамму и Кашмира. Эти сведения получены от посторонних наблюдателей, наглядно описывающих то, что они видели. Прежде всего я обращаю ваше внимание на сообщение некоего г-на Сидней Смита в лондонской газете Daily Express от 10 ноября 1947 года. Заголовок гласит: «Страшная история грабежей, поджогов и массовых убийств; тяжкие переживания семидесяти пяти человек, запертых в больничной палате». Сообщение гласит: «Душе-раздирающие подробности тяжелых переживаний семидесяти пяти мужчин, женщин и детей в монастыре Св. Иосифа в Барамуле во время поджогов и грабежей, производимых горцами вокруг монастыря, приводятся Сидней Смитом — главным репортером лондонской газеты Daily Express, описывающим военные действия в Кашмире».

Я не буду утруждать членов Совета Безопасности подробностями того, что творилось в монастыре. Эти подробности отчасти уже были приведены в заявлении, сделанном от лица моего правительства, и я не хочу их повторять. Моя цель — это только показать, чем является так называемая «армия освобождения».

Я хочу обратить внимание членов Совета Безопасности на издающуюся англичанами газету The Statesman, о которой я упоминал некоторое время тому назад, а именно на ее номер от 11 ноября 1947 года. Специальный корреспондент там сообщает следующее:

«Непосредственно следуя за войсками Индии, занявшими в субботу Барамулу», — т. е. место приблизительно в тридцати или сорока милях от Сринагара в Кашмирской долине — «я

посетил сегодня этот ограбленный город. Войдя туда вместе с Бакши Гулам Мохаммедом, я был потрясен. Двенадцать человек, встретивших нас у входа в город, скоро превратились в толпу в тысячу человек. Они представляли собой остатки населения города в 13 000 человек, который четырнадцать дней тому назад был занят налетчиками. Остальное население бежало в соседние горы... Армия вчера вступила в почти пустой город. Его магазины были открыты, но пусты. Можно без преувеличения сказать, что горцы ограбили город дочи́ста. Богатый торговец материями по имени Мохаммед Абдулла», — это мусульманское имя, — «привел меня в свой дом. Дом стоял на главной улице и в Барамуле был наиболее импозантным трехэтажным зданием. Все комнаты в нем были совершенно пусты. Абдулла сказал: «Они украли у меня 45 000 рупий наличными, все мои драгоценности, хозяйственные принадлежности, одежду и ковры. Они побывали в моем доме шесть раз. Каждый раз они забирали, что могли, до тех пор пока нечего уже было грабить...». Один мусульманин рабочий сказал: «В городе не осталось ни одной женщины, у которой бы не украли серьги и браслеты. Они побывали во всех домах и их ограбили. Они украли у меня мои стеганные одеяла».

И это армия, про которую говорят, что она пришла в Кашмир и Джамму для освобождения кашмирских мусульман!

Теперь я обращаю внимание членов Совета Безопасности на сообщение Роберта Трумбула, присланное им 10 ноября 1947 года в газету New York Times. Вот что в нем говорится:

«Барамула, Индия, 10 ноября. Этот город был совершенно разграблен, а молодые женщины были из него уведены горцами, бежавшими в панике в пятницу в полночь, прежде чем туда вступила индийская армия. Оставшиеся в живых жители определяют, что 3 000 их сограждан, включая четырех европейцев и находившегося в отставке офицера британской армии, известного лишь под именем полковника Дайкс, вместе с его беременной женой, были убиты. Очевидцы заявили, что 26 октября, когда нападающие ворвались в город, «одна группа масудских горцев сразу же перелезла через стены, окружающие францисканский монастырь Св. Иосифа, и напала на монастырскую больницу и на маленькую церковь, при этом сразу же убили четырех монахинь, полковника Дайкса и его жену. Но жажда добычи возобладала у нападавших над жаждой крови». Один бывший городской служащий заявил: «Налетчики загнали силой 350 местных индусов в один дом с целью его поджечь. Группа в 100 нападавших захватила еще пять индусов в качестве заложников и держала их на высокой горе, едва видимой из города. Сегодня, т. е. спустя двадцать четыре часа после вступления в Барамулу индийской армии, уже ясно, что из городского населения приблизительно в 14 000 человек в городе осталось лишь 1 000 жителей».

В газете Chicago Daily Tribune от 3 ноября 1947 года было напечатано следующее: «Макс Десфор, фотограф Associated Press, сегодня сообщил, что при полете над районом Кашмирской долины, простирающимся на 20 миль от столицы, он увидел горящими больше двадцати деревень».

Эти деревни, разбросанные на площади в десять миль длиной и десять миль шириной, очевидно были подожжены нападавшими мусульманами, которые грабили долину и двигались в направлении на Сринагар».

У нас также имеется сообщение из газеты Times of India от 13 ноября, в котором говорится следующее:

«По сообщению из Барамулы специального корреспондента газеты Times of India этот город напоминал, после пребывания в течение тринадцати дней в руках налетчиков, фруктовый сад после нападения на него тучи саранчи... Горцы-налетчики опустошили город, ограбили и сожгли имущество, убивая жителей, попадавших к ним на глаза. Попавшие в плен горцы сообщили, что нападавшими было отправлено через границу 280 грузовиков, наполненных награбленным. По их словам, они присоединились к нападавшим в ответ на призыв премьер-министра Северо-западной пограничной провинции Абдул Хайун-Хана».

При вступлении в Барамулу с конвоем, возглавляемым генерал-майором Кайвантом, корреспондент увидел по сторонам дороги радостно приветствовавшие их толпы мусульман, сикхов и индусов, мужчин, женщин и детей, смеющихся и плачущих от радости. Позвольте мне здесь сказать, что, судя по этому приему, едва ли можно говорить об этих горцах как об армии освобождения. Такой армией оказалась индийская армия, которая пришла в город уже несколько дней спустя после нападения горцев и оказала помощь оставшимся жителям, причем ее-то и приветствовали действительно как армию освобождения и не только сикхи и индусы, но и радостные толпы мусульман.

Дальше корреспондент продолжает: «Многие из них бросались к нам и, обнимая нас со слезами на глазах, рассказывали о днях ужасов, которые они пережили в этом городе».

Я также позволю себе огласить вам сообщение из газеты People's Age, которую премьер-министр Пакистана повидимому очень ценит. Я имею в виду номер этой газеты от 30 ноября 1947 года. Вот что в ней сообщалось под заголовком «Рука Пакистана»:

«При вступлении в Барамулу мы увидели прежде всего монастырь Св. Иосифа, библиотека, часовня и больница которого подверглись вандализму налетчиков. Книги были систематически разорваны, иконы Иисуса Христа и Девы Марии были изрублены на куски и все было разрушено, за исключением нескольких тяжелых скамей».

Несколько монахинь англичанок было убито налетчиками, так как они осмелились оказывать им сопротивление...

Один из военнопленных признался, что авангарды налетчиков поддерживали радиосвязь с премьер-министром пограничной провинции Абдул Хайун-Ханом и с Пиром Манки Шарифом, который со своей бандой вооруженных головорезов, набранных среди правоверных, ловит рыбу в мутных водах Пакистана. Имущество стоимостью около «крора» (т. е. 10 миллионов)

рупий или больше, которое было награблено в Барамуле (богатый торговый центр), открыто перевозилось на территорию Пакистана в не менее чем 280 грузовиках. Трупы все еще плывут по реке Джелам, являясь немymi свидетелями диких актов, совершенных так называемыми муахидами. Когда-то цветущий торговый город Барамула теперь стоит покинутый и опустелый. Из общего населения в 14 000 человек в нем осталось теперь лишь около тысячи жителей. Еще около тысячи человек было убито, а остальные укрылись в холмах и теперь понемногу возвращаются обратно».

В заключение, все еще по тому же вопросу, я хочу указать на заявление начальника мусульманской охраны в Пунче, который в ужасе от того, что творилось в Барамуле, отказался от должности начальника национальной охраны Мусульманской лиги. Его заявление появилось в сообщении United Press of India от 12 декабря 1947 года и гласит следующее:

«Мохаммед Акрам Хан, Салар-и-Ала, служивший в мусульманской национальной охране (в Пунче), ушел с этой должности... Порывая с этой организацией, он говорит в своем заявлении: «Я думал, что наши лидеры на мусульманской конференции борются против автократии, против притеснений всякого рода и за установление в Кашмире «азада», основанного на концепциях Ислама о справедливости и равноправии. Но последние четыре с половиной месяца вполне открыли мне глаза. В настоящее время я испытываю чувство стыда за свою принадлежность к таким организациям». Затем он добавляет: «Я знаю, что эти организации и их патроны в Пакистане принесли несчастье миролюбивому и свободолюбивому населению моей родины. Видев своими собственными глазами произведенные в Барамуле опустошения, я прихожу к заключению, что эти торговцы Исламом являются лишь мелкими ворюжками, убийцами и хулиганами». В заключение он говорит: «Мы знаем, как храбро сражается наш свободолюбивый народ под предводительством шейха Мохаммеда Абдуллы и Пандита Неру. Мы будем их поддерживать, так как только таким путем мы добьемся осуществления нашей мечты, т. е. свободной Индии. Это единственный путь воссоздания нового Кашмира, в котором бы царствовали мир и благоденствие».

Это заявление сделано лицом, которое было начальником национальной мусульманской охраны в Пунче.

Я думаю, что я достаточно привел доказательств тому, что армия, пришедшая из Пакистана в Джамму и Кашмир, не является армией освобождения, а армией разрушения. Поэтому я утверждаю, что ни на чем не основаны доводы, выдвинутые пакистанским представителем в защиту того положения, что мол мы мусульмане имеем дело с нападением извне и что мы должны помочь нашим угнетаемым братьям-мусульманам.

Здесь делалась также довольно наивная попытка намекнуть, хотя и в довольно неопределенных выражениях, на то, что совершающиеся жестокости — это дело рук некоторых сикхов, — так по крайней мере я понял из слов пред-

ставителя Пакистана. Однако я уже указывал и представил достаточно доказательств тому, что это никоим образом не может быть им приписано, и пакистанское правительство должно это знать, так как это работа тех разбойников, которым было позволено проникнуть на территорию Джамму и Кашмира.

Если эти банды налетчиков не преследуют, как я уже указывал, целей освобождения народа Кашмира, то для чего же им было позволено проникнуть в Кашмир и Джамму? Пропуская этих людей в Джамму и Кашмир через свою территорию, Пакистан имел в виду определенную цель. Цель эта — именно ее мы и указываем в нашей жалобе, поданной в Совет Безопасности, — это принудить Кашмир и Джамму присоединиться к Пакистану. Таковы в действительности мотивы действий Пакистана в отношении Кашмира.

Ключ к разгадке всего положения находится в речи, недавно произнесенной в Пакистане одним выдающимся лицом. Я имею в виду некоего Фироза Хан Нуна. В недавней речи, произнесенной им в Ассамблее Западного Пенджаба и переданной нам в телеграмме от 15 января, он заявил, что «нельзя представить Пакистан без Кашмира» и что он не может «представить себе пакистанское государство, в котором Кашмир мог когда-либо перейти под власть Индии».

Этим и объясняется отношение Пакистана к княжеству Джамму и Кашмир. Постоянным желанием и политикой Пакистана, которые он пытался осуществить, было стремление принудить это государство присоединиться к Пакистану, несмотря на то, что оно имело право сделать свой свободный выбор. Уже это одно объясняет поведение доминиона Пакистан по отношению к княжеству Джамму и Кашмир.

Я в общих чертах обрисовал проблему Джамму и Кашмира, а теперь я перехожу к тому, что, по словам пакистанского представителя, лежит в основе этих событий. Я уже заявлял, что эта основа в действительности не имеет никакого отношения к обсуждаемой нами проблеме. Однако, говоря о том, что, по его словам, является этой основой, представитель Пакистана коснулся различных вопросов и выдвинул весьма серьезные обвинения против правительства моей страны. Поэтому я считаю своей обязанностью коснуться и того, что, по моему мнению и по мнению моего правительства, совершенно не имеет никакого отношения к проблеме, представленной на рассмотрение Совета Безопасности.

Основные причины положения, которое создано не только в одном доминионе, но в обоих из них, вытекают из двух идеологий, которые преобладали в Индии в последнее время. Когда я говорю Индия, я имею в виду всю ее территорию, какой она была до раздела.

Одна из этих идеологий, которую пакистанский представитель уже отчасти описал, это идеология Индийского национального конгресса. Эта идеология основана на идее создания государства, управляемого светской государственной властью, в котором каждый индивидум, независимо от его вероисповедания, считался бы гражданином. Такова идеология Индийского национального кон-

гресса, идеология, которая ставит своей целью единство и гармонию.

С другой стороны, в противоположность этой идее существует еще идеология Мусульманской лиги. В основу этой идеологии положена религия. Членами этой организации могут быть только мусульмане, и идеалом ее является отдельное государство, которое должно быть создано из районов Британской Индии с преобладающим мусульманским населением и которое должно управляться лицами, исповедующими мусульманскую веру. Вот именно эта идеология и отражается в отношениях Пакистана к княжеству Джамму и Кашмир. Проще говоря, эта точка зрения сводится к следующему: «Вот здесь у нас княжество с населением, состоящим на 78 или 80 процентов из мусульман. Мы, Пакистан, мусульманское государство. Как же можем мы тогда допустить, чтобы соседнее с нами княжество, население которого состоит почти из 78 или 80 процентов мусульман, не присоединилось к своему соседу мусульманскому государству, а помышляло о присоединении к другому государству, в котором мусульмане находятся сравнительно в незначительном меньшинстве?» Эта идеология положена в основу Мусульманской лиги. Эта идеология исповедуется правящими кругами Пакистана и побуждает их, как это в действительности и происходит, добиваться насильственного присоединения Кашмира к доминиону Пакистан.

Некоторые черты этой идеологии представлены в американском журнале *Life* от 5 января 1948 года в следующих словах:

«На прошлой неделе на диких холмах вблизи северной границы Пакистана горцы-мусульмане с турбанами на головах вели упорные бои с регулярными частями индийской армии. По территории нового мусульманского государства, по шатким железнодорожным путям громыхали поезда, собирая оружие и добровольцев для набегов горцев на соседнее княжество Кашмир. Газета *Dawn* Мусульманской лиги называет этих налетчиков на Кашмир «армией освобождения», а сообщения, исходящие из Нью-Дели, — «вражескими сообщениями».

Однако в столице Пакистана Карачи его создатель и диктатор Мохаммед Али Джинна невозмутимо настаивает на том, что он к этому совершенно непричастен. Такое утверждение кажется странным, если принять во внимание ежедневные сообщения о потерях пакистанцев, а также тот факт, что сам Джинна публично обвинял кашмирского принца-правителя в том, что он поставил под протекторат индусской Индии свое княжество, населенное преимущественно мусульманами. Смысл всего этого достаточно ясен. Джинна все еще не имеет для Пакистана никакой государственной программы, кроме возбуждения мусульманского фанатизма. Если это привело некоторых из его 70 миллионов сторонников броситься в войну, а остальных собираться по городам с криками «освободим Кашмир», то Qaid-e-Azam (Великий вождь) ничего не мог здесь поделать. Нужно было найти какой-то выход для разжигаемых мусульманских страстей, а случайные армейские парады и создание охраны внутренней безопас-

ности вряд ли были для этого достаточными. Тем не менее, Пакистан не смел взять на себя такой риск и не смог бы вести широкие военные операции. Военные действия в Кашмире являются лишь естественным результатом семилетней упорной кампании, проводившейся Джинной с целью возбудить мусульман против индусов.

Теперь, после того как он в значительной мере достиг своей цели, Джинна, повидимому, не сознает или слабо сознает, какие ужасные экономические последствия могут возникнуть для его только что зародившегося государства. Большой частью он живет в абсолютном уединении, появляясь лишь время от времени для обвинений злодеев индусов за все неудачи Пакистана».

Указанные мною две идеологии естественно привели к конфликту в Индии еще до ее раздела. Мусульмане объединились на почве религии. Им было сказано, что они являются отдельным народом, что их религия и культура отличаются от других и что так как им грозит опасность, они должны организоваться для своей собственной защиты. Это была пропаганда ненависти, чтобы восстановить одну часть населения против другой. Но этой пропагандой ненависти дело не ограничилось, так как уже открыто стали призывать к насилию. Сейчас я приведу выдержку из речи того же самого лица, о котором я упоминал некоторое время тому назад, т. е. Фироз Хан Нуна, и который произнес эту речь еще 9 апреля 1946 года. Вот эта выдержка: «Я скажу следующее: если мы решим, что нам необходимо бороться с попыткой Великобритании поставить нас под власть единого центрального индусского правительства, тогда разрушения, причиненные Ханом Халаку, покажутся пустяками по сравнению с теми, которые будут сделаны мусульманами». Хан Халаку это хорошо известный налетчик и разбойник, убивший много тысяч людей. К таким насилиям призывали ответственные и выдающиеся мусульмане.

Член Мусульманской лиги г-н Сухраварди, бывший одно время премьер-министром Бенгалии, также в апреле 1946 году заявил следующее: «Мусульманские массы рвутся с привязи, и я хотел бы, чтобы Великий вождь испытал нас. Мусульмане хотят быть правящим классом в этой части света». Итак, ввиду того что мусульманские массы уже были возбуждены — я полагаю, что слова «рвутся с привязи» правильно описывают их состояние, — и ввиду того, что уже создалось напряженное состояние, оно вскоре разразилось ужасными беспорядками. В конце июля 1946 года Мусульманская лига выработала программу того, что они называют «программой прямых действий». В августе 1946 года в Калькутте праздновался так называемый «день прямых действий», и я без преувеличения скажу, что это были первые из числа тех больших массовых беспорядков, которые прокатились по всей Индии. Они проявились в поджогах, грабежах и насилиях, совершаемых мусульманами в огромных масштабах.

Но это было только началом событий в этом городе. Спустя два или три дня после этого последовали в отместку не менее насильственные акты со стороны индусов и сикхов, т. е. немусульман, причем количество жертв было очень

велико. Потери имущества были также огромны. Это вызвало судебное расследование, которое велось под председательством Верховного судьи Индии сэра Патрика Спенса совместно с двумя другими выдающимися судьями, принадлежащими к судебному ведомству Индии. Это расследование заняло несколько месяцев, но не могло быть закончено до раздела Индии, после чего комиссия по расследованию была распущена. Однако факты, обнаруженные этой комиссией, ясно показали, что все эти события произошли с ведома, если не с поощрения, власти имущих, — в это время кабинет министров Бенгалии состоял из членов Мусульманской лиги, — в особенности беспорядки, происшедшие в первый день в Калькутте. Как я сказал и как явствует из представленных доказательств, эти события произошли при содействии и поддержке многих выдающихся членов Мусульманской лиги.

Спустя месяц после беспорядков в Калькутте произошли трагические события также в Бенгалии, в местечке Ноакхали. Имевшие там место поджоги и убийства были в меньшем масштабе, чем в Калькутте, но по своему характеру преступления эти были более ужасны, а, кроме того, имело место насильственное обращение значительных масс населения в мусульманскую религию. Так начались беспорядки в Калькутте и в Ноакхали. За ними последовали непродолжительные, но ужасные акты мести в Бихаре со стороны индусов, составляющих там большинство населения. Убийства там были совершены также в очень большом масштабе.

Во время этих беспорядков в Бихаре в октябре или ноябре 1946 года, т. е. тогда, когда центральное правительство Индии состояло из коалиционного или временного кабинета министров, состоящего частью из членов Индийского национального конгресса, а частью из представителей Мусульманской лиги, несколько членов центрального правительства отправилось на аэроплане в Бихар. Так премьер-министр Индии Пандит Неру вылетел на место беспорядков и с риском для своей жизни лично вышел к толпе индусов и старался их успокоить.

Роль Пандита Неру в прекращении этих беспорядков хорошо известна, и я не буду утруждать членов Совета цитатами из газет Соединенного Королевства, описывавшими его участие. Что касается последовавших затем в ноябре и декабре 1946 года событий, то представитель Пакистана уже упомянул о трагедии на станции Гуджрат, и я не буду входить в ее детали, так как они уже им описаны. Вскоре после этого — я думаю, это было в январе 1947 года — правительство Соединенного Королевства объявило о своем намерении передать свою власть в Индии не позднее июня 1948 года. Я упоминаю об этом потому, что вскоре после этого в Пенджабе началась борьба за власть, приведшая в конце концов к тому, что эта мирная провинция стала жертвой фракционных раздоров и попала в руки банд грабителей и убийц. Вскоре после этой декларации Соединенного Королевства мусульманские лидеры в Пенджабе начали кампанию за свержение кабинета министров, находившегося тогда у власти. Это они пытались сделать различными методами, один из которых был назван

ими методом «прямых действий». Широкие массы населения стали получать своего рода военную подготовку и образовали так называемую «мусульманскую национальную охрану». Таким образом в районе Лахора и в прилегающих местностях явно назревали беспорядки.

Совету Безопасности известно, что почти все население сикхов сконцентрировано в Пенджабе, т. е., что большинство сикхов проживает в Пенджабской провинции. Совету Безопасности также известно, что главным занятием сикхов является служба в армии. Большинство сикхов действительно войны по натуре и в процентном отношении к своему населению они поставляют самое большое число солдат в индийскую армию. Эта попытка со стороны мусульман стать фактически господами положения в Пенджабе, где сикхи составляют большинство населения, естественно вызвала у сикхов чувство глубокого возмущения. С этого и началась цепь событий в Пенджабе, т. е. тех событий, которые до того времени не имели там места. В результате создавшегося там напряженного положения, в Равалпинди, Пешаваре и в других местах широко прокатилась в феврале и марте 1947 г. волна массовых убийств. При этом больше всего пострадали сикхи и индусы. Террор достиг таких размеров, что значительные массы индусов и сикхов принуждены были покинуть Пенджаб. Всякий, проезжавший в то время через Пенджаб, мог видеть толпы людей на железнодорожных станциях, пытавшихся попасть в поезда, чтобы бежать из Пенджаба, причем в большинстве случаев эти люди бежали с теми немногими вещами, которые были при них.

Необходимо отметить, что в это время не было никаких преследований мусульман в Восточном Пенджабе и что их там совсем не притесняли. Поток беженцев шел исключительно в направлении с запада на восток. Мусульмане, жившие на востоке, в это время совсем не подвергались преследованиям. Однако Лахор, бывший до раздела, т. е. до 15 августа, главным городом Пенджаба, представлял собой совершенно опустошенный город. Описывая его, я сужу по своим личным наблюдениям, так как я был в Лахоре в течение июля месяца 1947 года в связи с работой Пограничной комиссии. Дома были сожжены. Было опасно ходить по улицам. Даже для тех, кто должен был являться в эту Пограничную комиссию, как, например, для меня, необходимо было иметь при себе постоянную охрану. Таково было положение в главном городе Западного Пенджаба.

Как я уже сказал, в этих условиях сикхи и индусы бежали или пытались бежать из Западного Пенджаба. Здесь необходимо, пожалуй, упомянуть о положении сикхов в Западном Пенджабе. В числе самых богатых местностей Западного Пенджаба находятся такие районы — я упомяну только два — как, например, Монтгомери и Лиаллпур. Они представляют собой цветущие сельскохозяйственные районы, созданные усердным трудом крестьян-сикхов.

Население сикхов состоит главным образом из крестьян-собственников. С помощью ирригационной системы каналов в этих местностях, сикхи создали весьма богатые поселения. Сикхи очень любят эти земли, которые были раньше песча-

ными пустынями и которые их отцы и они сами превратили в богатые местности.

Но в результате тех событий в Западном Пенджабе, о которых я уже упомянул, и в результате происшедшего там террора, сикхи принуждены были бросать свои насиженные места, которые были ими созданы с таким трудом и усилиями. Вот при этих-то условиях г-н Тара Синг и произнес свою речь, на которую указал представитель Пакистана. Во время этой речи г-н Тара Синг, как говорят, и произнес, размахивая мечом, те слова, которые представитель Пакистана уже цитировал перед Советом Безопасности.

Я выступаю здесь не для того, чтобы у кого-либо создалось впечатление, будто г-н Тара Синг был в праве сказать то, что он сказал. Но я уже указывал Совету Безопасности на ту провокационную обстановку, среди которой сикхам приходилось жить и работать в то время. Тысячам из них пришлось бежать из Западного Пенджаба. Вот при таких обстоятельствах и при таком напряженном положении г-н Тара Синг и сказал то, что им было сказано.

Утверждалось, что сикхи заранее составили заговор, и хотя и не говорилось ясно, в чем он заключался, тем не менее он сводился, насколько я понимаю, к тому, чтобы произвести раздел Пенджаба, а затем разделаться с мусульманами в Восточном Пенджабе, с тем чтобы очистить место для сикхов, которые переселятся из Западного в Восточный Пенджаб. Представитель Пакистана упоминал о каких-то документах, которые, по его словам, конфиденциальны, но которые могут быть представлены. Я не знаю, что это за документы. Однако я скажу одно: теория относительно какого-то плана или заговора сикхов мне кажется совершенно невероятной. Этот заговор или план предполагает, что значительное большинство или весьма большое число сикхов, проживающих в Западном Пенджабе и владеющих там имуществом и землей, захочет мигрировать на восток, бросив свои земли и имущество, с тем чтобы уничтожить мусульман в Восточном Пенджабе и завладеть их имуществом. Я утверждаю, что такое предположение совершенно абсурдно и не может приниматься в соображение. Восточный Пенджаб, как это известно всем заинтересованным в этой стране, является густо заселенной частью Пенджаба. Население там живет более скученно и земли обрабатываются более интенсивно, чем в Западном Пенджабе. Утверждение, что сикхи, владеющие в Западном Пенджабе большими фермами, принимают участие в плане миграции в Восточный Пенджаб с целью захватить там небольшие участки земли, которые могут попасть в их руки или которые им удастся там захватить, это утверждение представляется, по моему мнению, совершенно невероятным для всякого, кто знаком с положением в Пенджабе и с жизнью там сикхов.

Я уже упомянул о том, что значительные массы индусов и сикхов бежали из Западного Пенджаба в Восточный Пенджаб и что эта миграция началась в феврале или в марте 1947 года и продолжалась до июля и августа того же года. Естественно, что эти беженцы, прибывшие из Западного Пенджаба в Восточный Пенджаб, при-

несли с собой рассказы об ужасных событиях, которые произошли в Западном Пенджабе, в Равалпинди, Пешаваре и в Мианвалли. Об этих событиях рассказывали беженцы, которые потеряли все свое имущество, чьи семьи были убиты и которые так или иначе сильно пострадали; поэтому естественно, что такие рассказы вызвали большой страх среди сикхов Восточного Пенджаба, к которым прибыли эти несчастные. Вот причина тех событий, происшедших в Восточном Пенджабе в течение августа и сентября 1947 года, на которые уже обратил внимание представитель Пакистана.

Я начал свое заявление, указав на то, что нарисованная для Совета Безопасности картина не соответствует действительности. Я так говорю потому, что все то, что было рассказано Совету, можно назвать второй главой истории событий, если я могу позволить себе так выразиться и говорить об истории еще так недавно происшедших событий. Первая глава истории этих событий была затронута лишь слегка, но в ней-то и лежит настоящая причина того, что произошло в августе и сентябре 1947 года в Западном Пенджабе и подробности чего были так картинно переданы Совету представителем Пакистана.

В этом не было никакой организованной политики и никакого заранее задуманного плана. То, что случилось в Западном Пенджабе и в Восточном Пенджабе и на что обратил внимание представитель Пакистана, было неизбежным последствием настроения масс, вызванного событиями в Западном Пенджабе, т. е. событиями, о которых стало известно в Восточном Пенджабе от беженцев, подробно рассказавших о всех происшедших там ужасах. Вот настоящая картина положения.

Последовало то, что и нужно было ожидать: массовые убийства, пытки и массовое похищение женщин, совершаемые одной стороной, а затем повторяемые другой стороной. Вообще говоря, истинная картина сводится к следующему: у каждой стороны происходил взрыв или несколько взрывов — если можно так выразиться — массового безумия, с которым не могли справиться ни государство, ни силы законности и порядка по той причине, что это происходило на почве религиозных и групповых разногласий. Разгоревшиеся страсти отражались и на самих силах правопорядка, поэтому полиция, а в некоторых случаях и войска поддерживали ту или иную сторону. При таких условиях стало трудным, а порой и невозможным бороться с таким массовым безумием.

В результате такого массового безумия все население, состоящее из индусов и сикхов, за исключением насильно переведенных в мусульманскую веру и за исключением похищенных женщин, покинуло всю западную часть Пакистана, состоящую из Западного Пенджаба и Северо-западной пограничной провинции, что в свою очередь вызвало передвижение мусульманского населения из Восточного Пенджаба в Западный Пенджаб, хотя и не в такой степени, как это имело место в Западном Пенджабе.

Говорили о беспорядках, которые поощрялись либо бездействием, либо активным участием в них сил законности и порядка. Однако всякое

сделанное из этого заключение о том, что правительство так или иначе принимало какое-то участие в этих беспорядках, я отрицаю по вышеуказанным мною причинам.

В западной части Пенджаба произошли такие же отвратительные, если еще не более ужасные, акты насилия, как и в Восточном Пенджабе, причем в некоторых из них приняла участие и полиция.

В конце августа 1947 года ужасная трагедия произошла в местечке, называемом Шейкхупура в Западном Пенджабе, где тысячи сикхов и индусов были изрублены одним из белуджистанских полков. Премьер-министр Индии в сопровождении лиц из состава правительства Западного Пенджаба видел результаты этой трагедии.

Случилось так, что в то время, когда это произошло, премьер-министры как Индии, так и Пакистана находились в Лахоре в связи с обсуждением так называемой проблемы беженцев в Индии, т. е. людей, мигрирующих из одной страны в другую. Таким образом, и сообщение это было получено ими, когда они оба находились в Лахоре. Получив такие сведения премьер-министр Индии проехал на автомобиле до места происшествия и там увидал сотни трупов, лежащих на улицах и в домах местечка Шейкхупура, убитых белуджистанскими войсками, которым была поручена охрана города.

Я уже сказал, что я не обвиняю в случившемся ни правительство Пакистана, ни администрацию Западного Пенджаба, но я хочу подчеркнуть, что хотя в некоторых случаях в беспорядках принимали участие полиция и войска, нельзя делать заключения, которое делает представитель Пакистана, а именно, что правительство является участником беспорядков или таких событий.

Условия жизни в Западном Пенджабе сделались настолько невыносимыми для индусов и сикхов, что в сентябре 1947 года некоторые из них решили прибегнуть лучше к массовому самоубийству, чем подвергаться ужасным издевательствам со стороны мусульман или примириться с тем бесчестьем и теми преступлениями, под угрозой которых постоянно находились их жены и дети. Эти сикхи и индусы убивали своих жен и детей, с тем чтобы они не стали жертвами таких ужасных трагедий. Одно из таких событий произошло в Джанге, местечке Западного Пенджаба. В связи с этим было произведено дознание, и я хочу обратить ваше внимание на письмо губернатора Пенджаба от 12 октября 1947 года на имя премьер-министра Индии. Вот, что говорится в этом письме:

«В дополнение к моему полуофициальному письму за номером 188 G.C. от 1 октября относительно массового самоубийства индусов в округе Джанг, происшедшего в прошлом месяце, сообщаю, что в настоящее время я имею ответ от губернатора Западного Пенджаба, копию которого я при сем прилагаю для Вашего сведения. Мой телеграфный запрос губернатору Западного Пенджаба был основан на информации, полученной из перехваченного доклада, сделанного пенджабским Управлением сыска пакистанскому Управлению. Ответ подтверждает эти сведения.

Сами индусы и сикхи не стали бы убивать своих жен и детей, если бы для этого не было причин, принудивших их к этому».

В приложенной радиограмме говорится следующее:

«В ответ на вашу радиограмму от 1 октября за номером 187 G.C. сообщаю, что в некоторых деревнях Джанга и Шоркот Техсилс были случаи убийств немусульманских женщин и детей самими немусульманами из боязни нападения мусульман, а в деревне Астана было двенадцать случаев самоубийств среди индусских женщин».

Ссылаясь на газету People's Age от 5 октября 1947 года, телеграмма из Лахора дает следующие сведения:

«Начиная с 15 августа в Сиалкоте и Гуджранвалле, куда прибыли мусульманские беженцы из сельских местностей Амритсара и рассказали о происходивших там ужасах, стали происходить большие беспорядки, которыми воспользовались крупные землевладельцы, мусульманская национальная охрана, полиция и войска, для того чтобы сжечь целые участки Западного Пенджаба.

В таких городках как Камоке, Окара и Шейххупура военные части пограничной стражи подвергли население таким ужасам, которые превзошли все, что случилось где-либо в других местах. В одном лишь городке Шейххупуре белуджистанский полк уничтожил приблизительно от 8 000 до 10 000 человек немусульманского населения.

В сельских местностях большие районы с немусульманским населением подвергались нападениям. В тех случаях когда вооруженные банды национальной охраны не могли овладеть деревнями, что обычно и случалось, им на помощь приходили военные части, и защищающееся немусульманское население принуждено было в панике бежать. Во многих местах чины национальной охраны одевались в военную форму и нападали на немусульман с явной целью вселить в них страх и заставить их бежать, чтобы потом грабить оставленное имущество.

В отдельных районах Западного Пенджаба произошли такие же ужасные массовые убийства и грабежи, массовое издевательство над немусульманскими женщинами, которых нагими проводили по улицам Сиалкота, открытое насиливание женщин, жестокое убийство детей и младенцев, налеты и массовые нападения на поезда с беженцами и на караваны, похищения молодых немусульманских женщин, — одним словом, повторение той же позорной трагедии, которая имело место в Восточном Пенджабе.

После посещения Пенджаба премьер-министром Лиакватом Али и после его заявления, что беспорядки будут энергично пресекаться, все думали, что Лиаллпур избежит крупных столкновений между отдельными группами его населения».

Однако в той же телеграмме из Лахора говорится дальше о том, что случилось в Лиаллпуре.

«Один мусульманин «гунда»⁶ бросил бомбу в мечеть, с тем чтобы вызвать беспорядки и создать у мусульман впечатление, будто это сде-

лано немусульманами. Этот «гунда» был пойман на месте преступления, но прискорбно то, что обе выпускаемые Мусульманской лигой газеты начали кампанию в защиту этого «гунды», требуя расследования причины его ареста.

4 сентября, после того как заместитель комиссара мусульман г-н Гамид обратился к собранию граждан и призывал их поддерживать мир и не совершать убийств и грабежей, банды «гундов» устроили беспорядки. На самом собрании три человека получили пожевые раны. Все это было хорошо обдумано. Это нападение на собрании послужило как-бы сигналом. «Гунды» рассыпались по городу, хотя многие из них состояли в национальной охране. Было произведено нападение на местность, заселенную железнодорожными рабочими, и более шестидесяти человек было убито.

Всего было убито свыше пятисот человек, но такие газеты как Nawai Waqt все еще изливают злобу против меньшинств и бесчестят всех тех, кто стремится восстановить мир и порядок.

Такие нападения принудили сикхское меньшинство населения бежать «Три «лака»⁷ сикхов, которые проживали в этом районе, в настоящее время сконцентрировались в большие группы, которые продвигаются к границе, чтобы перейти через нее. Они берут с собой большую часть своего движимого имущества, включая и скот.

Лиаллпур создавался трудом крестьян-сикхов. Благодаря их усилиям эти богатые земли стали приносить в изобилии золотое зерно. Они вложили в землю свой пот и труд. Когда же крестьянин-сикх был вынужден при таких обстоятельствах оставить свою любимую землю, ненавистью было исполнено его сердце, и во многих деревнях Акали он последовал советам тех, которые побуждали его все сжечь, прежде чем оставить свою деревню. Урожай на корню был сожжен, а в некоторых деревнях уходящими сикхами были даже отравлены колодцы с питьевой водой.

Пакистанский министр Газанфарали-хан в сообщении для печати ставил себе в заслугу то обстоятельство, что ни один из лагерей, в которых находились беженцы-немусульмане, не подвергся нападению в Западном Пенджабе.

Однако он только старался скрыть от внешнего мира массовое убийство, имевшее место 8 сентября в лагере беженцев-сикхов в Джаранвалле. Здесь вооруженные отряды национальной охраны при содействии военных частей убили 6 000 беженцев сикхов и увели около 1 000 женщин.

Нельзя скрывать преступлений, совершенных одной стороной, и обвинять в преступлениях лишь другую сторону».

Под заголовком «Руководители Лиги принимают участие в грабеже» даются следующие сведения:

«Создавшееся положение осложняется еще тем, что многие из руководителей местного отделения Лиги сами принимают активное участие в грабежах и убийствах. В районе Джанга землевладельцы, т. е. те люди, которые прежде выслу-

⁶ Хулиган.

⁷ Лак равен 100 000.

живались перед англичанами, и даже члены Законодательного собрания лиги принимали участие в грабежах и убийствах.

В самом Лахоре один влиятельный член Законодательного собрания лиги фактически участвовал в грабежах. Полиция захватила грузовик, нагруженный награбленным имуществом, и этот грузовик оказался принадлежащим этому члену Законодательного собрания лиги. Он был слишком влиятельным лицом Лиги, и скандал был быстро замят, причем грехи хозяина были взысканы на бедного служащего, которого обвинили в том, что он был виновен в увозе награбленного.

Во всем Западном Пенджабе крупные землевладельцы мусульмане, а также подрядчики и купцы, по тайному соглашению с полицией и с военными властями, захватили львиную долю награбленного. Передают, что более 60 процентов награбленного имущества перешло в их руки. Полиция всюду принимала участие в грабежах. Это привело сегодня к весьма интересному событию в Гуджранвалле. Полиция объявила с барабанным боем, что будет производить повсеместные обыски в поисках награбленного имущества. Это было сделано с целью дать время тем, у которых было награбленное имущество, увезти его или спрятать. Банды национальной охраны, участвовавшие в грабежах вместе с полицией, были так этим возмущены, что со своей стороны объявили по городу путем всюду развешанных плакатов, что они не позволят обыскивать свои дома, прежде чем не будут подвергнуты обыску дома самих полицейских чинов. Чувствуя свою вину, чины полиции не осмелились производить обыски. Идея обысков была оставлена».

Таково положение вещей в Западном Пенджабе, как оно было описано представителем газеты *People's Age*. Это подтверждает то, с чего я начал, т. е., что стоящий перед нами вопрос сводится к тому, что народные массы почти потеряли рассудок и начали взаимное уничтожение, следуя тем звериным инстинктам, которые были вызваны в них пропагандой ненависти и религиозного фанатизма. Это именно то, что в действительности произошло. Но то, что случилось в Восточном Пенджабе, произошло еще в большем масштабе и еще в более ужасных формах, также и в Западном Пенджабе. В Восточном Пенджабе бездействовали силы закона и порядка. В Западном же Пенджабе они не только бездействовали, но фактически принимали участие в преступлениях и грабежах.

Однако нельзя приписывать эти события какому-либо правительственному плану или обвинять в участии в них какое-либо правительство.

Трагические события в Западном Пенджабе в результате привели к фактическому уничтожению немусульманского населения в этой провинции, а также и в Северо-западной пограничной провинции. Когда я говорю об уничтожении, я не подразумеваю под этим, что все эти люди были убиты. Большая часть их была убита, но остальные бежали.

Прежде чем перейти к другим вопросам, я хотел бы упомянуть в связи с Восточным Пенджабом еще об одном факте. В течение второй поло-

вины августа и в сентябре затруднения правительства в этой провинции были гораздо больше, чем в Западном Пенджабе, так как необходимо помнить, что Пенджаб был разделен на две провинции, причем Восточному Пенджабу предстояло создавать и организовывать свое управление, которого до тех пор там не было. Именно во время этого процесса создания административного аппарата в Восточном Пенджабе и возникла необходимость бороться со вспыхнувшими там беспорядками.

Представитель Пакистана упомянул о событиях, происшедших в июне и июле в некоторых княжествах Восточного Пенджаба. Мы утверждаем, что правительство Индии никоим образом не ответственно за то, что произошло в некоторых княжествах до присоединения их к Индийскому Союзу. Правительство Индии не несет и не может нести никакой ответственности за события, происшедшие в июне и июле, т. е. до 15 августа, когда произошло разделение на два доминиона, так как до этого времени еще существовала власть правительства Соединенного Королевства.

Представитель Пакистана говорил также относительно цензуры печати, введенной будто бы по требованию правительства Индии, причем он предполагал — я лично думаю, что это было лишь его предположение, — что, имея в виду уничтожить мусульман, правительство Индии не хотело, чтобы газетные корреспонденты опубликовывали правдивые факты. От имени своего правительства я отвергаю это обвинение и обращаю внимание на то, что Совету Безопасности не было представлено никаких доказательств, которые могли бы подтвердить это. В противовес этому, имеется ряд случаев, когда пакистанское правительство действительно запрещало газетам описывать правдивые факты относительно событий в Западном Пенджабе и отдавало с этой целью соответствующие приказы.

В связи с этим я обращаю внимание Совета Безопасности на выдержку из передовой статьи в ежедневной газете *Civil and Military Gazette* от 30 августа 1947 года, которая выходит в Лахоре, но принадлежит англичанам. Вот эта выдержка:

«В соответствии с приказом о введении цензуры» — теперь там фактически введена цензура — «25 августа было представлено в цензуру следующее открытое письмо на имя Qaid-e-Azam'a, а также г-на Лиакват Али Хана и хана Ифтикхар Гуссейна, хана Мамдотского:

«Ваше Превосходительство и Милостивые Государи!

Абсолютно веря в искренность Ваших заверений относительно восстановления мира в несчастной провинции Западного Пенджаба и Ваших обещаний о защите меньшинств, я довожу до Вашего сведения нижеуказанные события, чтобы показать, каким образом Ваши заверения сводятся на нет, а Ваши обещания не исполняются. Я надеюсь, что изложенные здесь факты помогут наказать и устранить те элементы, которые не выполняют Ваших приказаний и сводят на нет Ваши намерения.

Пассажиры, прибывшие в субботу вечером синдским экспрессом в Лахор, пережили события,

которых они никогда не забудут и о которых их только с трудом можно уговорить что-либо рассказать. После того как поезд вышел из Гуджрата, небольшая группа пассажиров, вооруженная топорами и ножами, постоянно его останавливала, дергая за сигнальный шнур, входила по очереди в каждое купе, вытаскивала из них лиц, принадлежащих к иной части населения, и безжалостно их убивала.

Иногда эти преступления совершались во время движения поезда, иногда же в присутствии людей, прибегавших к железнодорожному полотну из той местности, в которой останавливался поезд.

Некоторые пассажиры пытались спастись под вагонами, но их оттуда вытаскивали и убивали. Двое прыгнули с поезда и побежали через поля. Поезд был остановлен, за ними была послана погоня и они были убиты. Вначале жертв убивали топорами, а потом стали убивать более медленно ножами. Среди последних жертв оказалась женщина с тремя малыми детьми. Один раз поезд остановился на небольшой станции и так как в нем не было уже больше пассажиров, подлежащих уничтожению, убийцы стали извиняться перед стоявшими на платформе своими единоверцами за свое рвение, в результате которого уже не оставалось никого, кого бы люди на станции могли убить.

Пятнадцать обдуманных хладнокровных убийств могут показаться Вам слишком незначительным событием для того, чтобы отвлекать Вас, милостивые государи, от той гигантской задачи, которой вы посвящали себя, т. е. от создания государства из вашей страны. Но эти пятнадцать человек разделили участь многих других. Фактически, немногие поезда пришли в Лахор с севера или с востока, пассажиры которых не подверглись бы подобным жестокостям.

Жизни этих людей могли бы быть спасены и последствия таких потерь в форме новых убийств были бы предупреждены, если бы в поездах была установлена соответствующая охрана. Когда в одном месте поездная охрана экспресса, шедшего из Синд, сделала залп из шести выстрелов над головами угрожающей толпы, злодеи повернули обратно и убежали. Нужен был, пожалуй, только небольшой конвой, вооруженный не более, чем двумя ружьями Стэн, чтобы спасти жизнь этих пятнадцати человек и чтобы предупредить тот пароксизм кровопролития, который достиг таких фантастических и ужасных размеров. Вот тот простой метод, которым можно было бы обеспечить выполнение Ваших заверений и обещаний. Согласны ли Вы с этим?

Примите уверения в моей глубокой заинтересованности в будущей судьбе Пакистана и в твердой надежде на его светлое будущее. Остаток с совершенным почтением, Редактор».

Это открытое письмо было адресовано редакторам его превосходительству Qaid-e-Azam, а также г-ну Лиакват Али Хану и хану Ифтихару Гуссейну, хану Мамдотскому. Дальше в передовой статье говорится следующее:

«Затем в тот же день нас уведомили по телефону, что после совещания с премьер-министром Западного Пенджаба разрешение на опубли-

кование этого открытого письма было отменено по особым соображениям («основания, помимо правдивости»). Пользуясь софизмами, пакистанское правительство сможет, пожалуй, избавиться от обвинений в выпуске вводящего в заблуждение сообщения, так как мол цензура была применена губернатором Пенджаба, а не правителем Пакистана, и приказ об этом был издан в Лахоре, а не в Карачи. Но мы заинтересованы в фактах, а не в софизмах. И мы предоставляем нашим читателям самим судить о том, является ли наше заявление относительно цензуры «совершенно неверным и крайне злостным» или же таковым является опровержение, содержащееся в официальном правительственном сообщении».

Такова история этой попытки предотвратить опубликование открытого письма редактора газеты Civil and Military Gazette, в котором приводились фактические данные.

Представитель Пакистана говорил об уничтожении имущества и домов. Он описывал это Совету Безопасности очень картинно. Он сказал: «Когда-то у меня был дом, теперь у меня его нет». Он говорил о потере им своего дома. На основании его слов у меня сложилось впечатление, что его дом был разрушен, но это не соответствует действительности. Его дом цел. Этот факт был неоднократно проверен и к тому же — генералом Назируддином. Родственник представителя Пакистана был привезен к этому дому генералом индийской армии Тиммайя, и дом был показан, каким он был, целым и невредимым. Если смысл заявления пакистанского представителя состоит не в том, что его дом был разрушен, но в том, что последний был разграблен, это также неверно. На наш запрос нам сообщили, что мебель и имущество из этого дома, за исключением нескольких вещей, были вывезены в Лахор под надлежащей охраной.

Можно допустить, что несколько вещей могло быть украдено, но большая часть вещей из этого дома была под охраной отправлена в Лахор. Таково, по-моему, действительное положение вещей, и незачем говорить о том, что ни я, ни мое правительство несколько не озабочены тем ущербом, который мог быть причинен имуществу или дому моего коллеги. Я допускаю, что когда мы говорим о массовых беспорядках и массовых разрушениях в том масштабе, который я только что старался описать, неизбежно должны были быть потери у лиц с той или другой стороны, если по несчастью их дома или имущество находились в тех районах, где происходили беспорядки.

Не только мой коллега пострадал от потери имущества. Есть члены индийской делегации, которые также понесли потери в тех местах, где они проживали, потери порою большие, порою меньшие, однако несомненные потери. Мы все сожалеем о том, что произошло. Однако нет оснований, по-моему, предъявлять обвинения тому или иному правительству на основании того, что случилось, и обвинять его в участии в таких беспорядках.

Мой коллега говорил также о местечке Кадиян, где находился его дом и где проживало много мусульман. Насколько я помню, он указал, что население там составляло около 13 000 человек и что теперь там осталось, по его сло-

вам, лишь 200 или 300 человек для охраны молельни. Мы глубоко об этом сожалеем, но потери в Кадияне буквально незначительны по сравнению с огромными потерями, понесенными индусским и сикхским населением Западного Пенджаба. Я имею в виду самый город Лахор, где дома, торговые предприятия и фабрики принадлежат главным образом индусам и сикхам. Все это было фактически потеряно этим населением, когда оно оттуда бежало. Индусы и сикхи бросили свои дома и бежали из Западного Пенджаба. Теперь они не знают, что там происходит. Многие дома заняты другими лицами, многие из них сгорели, и потери выражаются в миллионах долларов. Поэтому положение таково, что за потерями в результате массовых убийств и разрушений по одну сторону границы между этими двумя доминионами следуют такие же потери и по другую сторону этой границы. Мы пробовали собрать об этом цифровые данные. Мы собрали эти данные относительно одного небольшого городка в Западном Пенджабе. Этот городок называется Сагода. По предварительным подсчетам оказалось, что в этом маленьком городке было 1 323 человека убитых, 3 041 насильственно обращенных в мусульманскую религию и 190 человек похищенных, причем от грабежей и поджогов пострадало имущество стоимостью в шесть «крор»⁸ рупий, что равняется приблизительно 20 миллионам долларов. Вот цифры, относящиеся к такому маленькому городку, как Сагода в Западном Пенджабе.

Лахор, Равалпинди, Шейххупура, Сялкот, Мултан и Пешавар — это те места, которые подверглись такой же участи, поскольку это касается имущества индусов и сикхов. Я перечисляю лишь главные места.

Как я уже сказал, это совершенно не относится к тому вопросу, который предложен на рассмотрение Совета Безопасности. Я говорил уже, что картина, нарисованная представителем Пакистана Совету Безопасности, лишь только наполовину представляет собой действительное положение вещей и притом именно ту половину, которая помогает представителю Пакистана защищать изложенную им точку зрения своего правительства. Я пытался по возможности кратко дать Совету Безопасности, хотя бы в некоторой мере, и другую часть картины.

Представитель Пакистана говорил о событиях, происшедших в столице Индийского Союза — Дели. В течение сентября 1947 года в Дели происходили грабежи и убийства. Но возникает вопрос, принимало ли в них какое-либо участие правительство или способствовало как-либо им. Я утверждаю, что Совету Безопасности не было представлено никаких доказательств того, что в этих событиях участвовал правительственный аппарат или что правительство поощряло или способствовало этим событиям в Дели.

Я полагаю, что в связи с этим печать — я имею в виду печать Соединенного Королевства — поместила много сообщений о попытках правительства, как самого премьер-министра, так и других лиц, сделать все возможное, иногда с риском для собственной жизни, чтобы подавить эти беспорядки. Это подтверждает то, о чем я уже говорил: эти беспорядки являются вспышкой мас-

сового безумия и не могут в момент этой вспышки контролироваться силами закона и порядка.

Представитель Пакистана очень жаловался на то, что студенческая молодежь оскорбила великого вождя Пакистана своими выкриками: «Qaid-e-Azam Mordabad»⁸. Однако он без всяких угрызений совести цитировал из газеты The Truth циничную заметку о Махатме Ганди. На основании слов, приводимых в этой выдержке и приписываемых Махатме Ганди, утверждалось, что он хочет войны. Такое утверждение, направленное против лица, которое недавно начало голодовку как средство для предотвращения внутреннего разногласия и расхождений, по моему мнению, совершенно ничем не оправдывается. Я не буду читать членам Совета этой выдержки, но каждый может прочесть о том, что было сказано по этому поводу Махатмой Ганди, и из его слов убедиться, что он ни в коем случае не является сторонником войны. Он сказал, что нужно принять все меры и приложить все усилия к тому, чтобы установить мир и согласие, так как если это не будет сделано, то оба государства будут вовлечены в войну. Вот то, что было заявлено Махатмой Ганди и что он сам пояснил спустя несколько дней после того, как появилась об этом провокационная заметка. Ввиду его слов и такого пояснения, я утверждаю, что такое обвинение совершенно ни на чем не основано.

События в Дели можно сравнить с недавними событиями в Карачи. Произошли массовые беспорядки. Полиция пыталась подавить эти беспорядки, причем в этом принимали участие некоторые министры, пытались сделать все возможное, чтобы прекратить эти беспорядки. Это именно как раз то, что произошло также и в Дели.

Последняя телеграмма, которую мы получили относительно событий в Карачи, гласит следующее:

«В результате последних событий двадцать пять тысяч немусульман было эвакуировано. Кроме того, в одном только городе Карачи остается 50 000 немусульман, которые могут быть эвакуированы по 10 000 человек в неделю. От немусульманского населения, живущего в Синде, поступают просьбы об оказании ему срочной помощи, так как во многих местах ему угрожает большая опасность. Однако власти в Синде препятствуют переселению индусов из внутренних районов в Хайдарабад или Карачи. Премьер-министр угрожал приостановить снабжение лагерей пищей. Второй магистрат страны опубликовал приказ, запрещающий выезд индусов в течение двух недель. Была введена система особых разрешений, которые могли получить лишь те, кто погасил все свои долги, и т. п. Свыше 1 000 индусов, ехавших в поезде из Суккара в Карачи, были насильно высажены из поезда в Навабшахе. Дело это расследуется пакистанским премьер-министром.

Согласно последним докладам, полученным от Капура из Пешавара, пограничные власти также не оказывают помощи. Губернатор Северо-западной пограничной провинции отправился к Дера Исмаил Хану с тем, чтобы ознакомиться с желаниями немусульман. Когда Капур попросил раз-

⁸ «Долой великого вождя».

решения сопровождать его, губернатор отказался от этого на том основании, что он предпочитает видеть все сам. Не было принято никаких мер к эвакуации немусульман, которые сильно страдали, так как они были размещены в палатках в сильный холод и снег и не получали достаточно пищи. Местные власти удовлетворялись лишь докладами, получаемыми от особого учреждения, находящегося в Курраме. Можно также ожидать, что немусульмане будут выброшены из лагерей.

Точно так же не было предпринято никаких шагов к эвакуации немусульман из Ама, Свата и других пограничных провинций. Эвакуация их из Банну была приостановлена после гуджратского инцидента».

Таково содержание телеграммы, полученной некоторое время тому назад представителем правительства Индии в Карачи от Сри Пракаша. «Капур», о котором я упоминал раньше, является представителем правительства Индии в Северо-западной пограничной провинции.

Сегодня утром я уже упомянул об инциденте, происшедшем в поезде на железнодорожной станции в Гуджрате. Я сослался на сообщение Коллин Рида в лондонской газете Daily Telegraph от 15 января 1948 года, которое было послано им из Нью-Дели и в котором говорится следующее:

«Согласно полученным здесь подробным сведениям, в результате совершенного в понедельник нападения патанов на поезд в Западном Пенджабе, 1 300 немусульман-беженцев было убито, 400 пропало без вести и 150 находятся в больницах вследствие ранений, нанесенных огнестрельным оружием, топорами или ножами. До сих пор из общего числа пассажиров в 2 400 человек и военного конвоя в 60 человек не пострадавших насчитывается лишь около 600 человек.

В первых сведениях об этом нападении, полученных в понедельник, сообщалось, что было убито около 100 человек. В поезде находились беженцы, эвакуировавшиеся из Банну в Северо-западной пограничной провинции Пакистана. Этот поезд прибыл на станцию Гуджрат в воскресенье вечером. Два солдата из конвоя хотели набрать из водопровода воды, но подверглись нападению вооруженных патанов, выхвативших у них их винтовки».

В телеграмме от 15 января, полученной нами из Дели, читаем следующее:

«Заместитель Верховного комиссара посетил Гуджранвалу, куда были доставлены некоторые уцелевшие от гуджратского инцидента.

Он сообщает, что шедший из Банну поезд прибыл в Гуджрат около 10 ч. вечера, а нападение на него патанов из соседних деревень произошло вскоре после часа ночи. Конвой, состоящий из шестидесяти солдат, Биттарского полка, которым командовал сикх, отстреливался до 8 ч. 30 м. утра, но когда его запас патронов иссяк, конвой был уничтожен. Заместитель Верховного комиссара утверждает, что всего было 3 000 пассажиров, и определяет потери в 1 500 убитых, 100 пропавших без вести и 300 похищенных женщин. Семьсот оставшихся в живых были привезены в Гуджранвалу, а еще 400 находятся, по сообщению пакистанских властей, в Гуджрате. Стоимость разграбленного имущества оценивает-

ся в 30 лак рупий. Ни одной молодой женщины не было найдено ни в больнице, ни в лагере, и надо полагать, что все они были похищены. Пакистанские военные части прибыли на место происшествия к 9 ч. утра. Массовые убийства продолжались даже в их присутствии, но в конце концов они были остановлены стрельбой в воздух, а также убеждением и угрозами. Полиция и судебные власти не приняли против нападавших никаких мер, а соучастие в этом гражданских и железнодорожных чинов сильно подозревается. Раненые и оставшиеся в живых не чувствуют себя в безопасности в Гуджранвале и не питают никакого доверия к местным хирургам-мусульманам. Заместитель Верховного комиссара получил согласие пакистанских властей перевезти всех уцелевших в Лахор. Ожидается, что первая партия раненых прибудет в гангарамскую больницу 14-го утром. Энергичный протест был послан пакистанскому правительству».

Таково истинное положение вещей, и все же государство, на территории которого происходят события, подобные тем, которые я только что описал, а также и многие другие, упомянутые мною ранее, осмеливается обвинять правительство Индии в преступлении геноцида. Я утверждаю, что трудно себе представить более шаткое основание, чем то, на котором основывается это обвинение, выдвинутое в Совете Безопасности представителем Пакистана.

Теперь я хочу сказать несколько слов о Аджере, о котором представитель Пакистана упоминал как об одном из святых мест, находящихся в Индийском Союзе, где мусульманское население находится в опасности. Правдивые же факты, относящиеся к этому, — я сейчас оглашу об этом телеграмму — подтверждают, что для охраны этой святыни были приняты все меры и что если и возникли какие-либо затруднения, то они произошли по причине некоторых разногласий среди самих местных мусульман в Аджере. Теперь я оглашу телеграмму от 20 января 1948 года, в которой говорится следующее:

«В Аджере беспорядки были начаты мусульманами, напавшими 17 августа на религиозную процессию индусов, причем из числа последних пострадало четырнадцать человек. Беспорядки были немедленно прекращены и больше не повторялись до 5 декабря. Однако напряженное состояние продолжалось, так как довольно значительное число мусульман из Аджмера и соседних княжеств, которые по настоянию местной Мусульманской лиги мигрировали в Пакистан, вернулись в Аджер, а, кроме того, туда прибыло большое количество мусульманских беженцев из Синда.

Во время декабрьских беспорядков полиция и воинские части приняли энергичные меры и неоднократно открывали огонь по нарушителям порядка. Кроме того, эти агрессоры должны были уплачивать большие коллективные штрафы.

В результате этих мер положение было быстро восстановлено, и с 15 декабря уже не было никаких инцидентов. В декабре было убито 14 индусов, из коих 9 было убито полицией и воинскими частями; мусульман было убито 41; раненых было: 23 индуса и 64 мусульманина.

Сам премьер-министр посетил Аджмер и приказал местным властям принять энергичные меры для пресечения беспорядков. С самого начала были приняты особые меры по охране Дюрга, т. е. святого места, на которое никаких нападений не было и оно не пострадало.

Необходимо, однако, упомянуть, что задача обеспечения безопасности мусульманскому населению Аджмера осложняется наличием спора между двумя группами мусульман об управлении этим святым местом — Дюрга».

Я в общих чертах обрисовал вам то, что было названо историей вопроса, поскольку это относится к Индии. Далее я предполагаю познакомить вас с тем, что действительно лежит в основе случившегося, т. е. с основными причинами событий, происшедших в самом Кашмире. Я не знаю, будет ли это удобно для Председателя и Совета Безопасности выслушать меня теперь. Если имеется желание закрыть заседание, то настоящий момент был бы для этого подходящим.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-французски): Теперь мы снова переходим к системе последовательных переводов.

Мы предполагали собраться на закрытое заседание сразу же после того, как мы выслушаем представителя Индии, с тем чтобы обсудить вопрос о губернаторе Триеста. Однако речь представителя Индии заняла больше времени, чем мы предполагали. Поэтому я предлагаю собраться на непродолжительное закрытое заседание в 3 часа дня для обсуждения вопроса о губернаторе Триеста и таким образом соблюсти порядок, которого мы решили придерживаться в нашей работе, а затем мы снова соберемся в 4 часа, чтобы выслушать предложение речи индийского представителя.

Ввиду того что нет возражений, я считаю этот порядок принятым.

Заседание закрывается в 1 ч. 40 м. дня.

ДВЕСТИ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕ ЗАСЕДАНИЕ

Пятница 23 января 1948 года, 3 ч. дня Лейк Соксес, Нью-Йорк

Председатель: Г-н Ф. ван-ЛАНГЕНХОВЕ (Бельгия)

Присутствуют представители следующих стран: Аргентины, Бельгии, Канады, Китая, Колумбии, Сирии, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Украинской Советской Социалистической Республики, Франции.

26. Официальное сообщение

В соответствии с правилом 55 временных правил процедуры Совета Безопасности, Генеральный Секретарь выпустил, взамен стенографического отчета, следующее официальное сообщение:

¹ Текст документа S/644 гласит:

В ответ на Ваше письмо за №1204-5-1/DP, полученное 22 декабря 1947 года, имею честь сообщить Вам, что мое правительство поручило мне довести до Вашего сведения следующее:

23 декабря 1947 года итальянское министерство иностранных дел, по получении от Совета Безопасности официального приглашения проконсультироваться с югославским правительством с целью прийти к соглашению относительно кандидата на должность губернатора Свободной Территории Триест, немедленно вошло в контакт с югославской дипломатической миссией в Риме, которая спустя три дня предложила следующих кандидатов для занятия вышеуказанной должности:

Г-н Богуслав Эцер (Чехословакия),
Г-н Георг Брантинг (Швеция),
Г-н Эмиль Станг (Норвегия).

Позднее, 31 декабря 1947 года, итальянское министерство иностранных дел выдвинуло кандидатуру нижеперечисленных лиц:

Генерал Анри Гизан (Швейцария);
Г-н Вальтер Отто Штуки (Швейцария).

3 января 1948 года югославский министр в Риме заявил, что его правительство возражает против вышеупомянутых двух кандидатов и предложило кандидатуру следующих лиц:

Г-н Морис Дежан (Франция);
Г-н Пабло де Аскарате-и-Флорес (Испания).

«Сегодня в Лейк Соксес состоялось закрытое заседание Совета Безопасности для возобновления рассмотрения вопроса о назначении губернатора Свободной Территории Триест. Совет обсудил ответы правительств Италии [S/644 и S/647]¹ и Югославии [S/648]² на его предложение от 19 декабря 1947 года по вопросу о совместной рекомендации обоими правительствами возможного кандидата на должность губернатора. (Рекомендации правительств Италии и Югославии по этому вопросу более не рассматриваются Советом как конфиденциальные документы.)

Вслед за тем итальянское министерство иностранных дел 5 января 1948 года рекомендовало следующих лиц:

Г-н Пауль Рюггер (Швейцария),
Г-н Лиф Игленд (Южно-Африканский Союз).

Вплоть до 11 января 1948 года итальянское министерство иностранных дел не получало ответа от югославского правительства, несмотря на то, что в печати было опубликовано заявление представителя министерства иностранных дел в Белграде, сделанное на пресс-конференции 8 января. Из этого заявления можно заключить, что югославское правительство решило воздержаться от прямого ответа итальянскому министерству иностранных дел. Итальянское правительство, предлагая своих собственных кандидатов, учло должным образом то обстоятельство, что граждане, принадлежащие к многонациональному и традиционно нейтральному государству, в большей степени могут проявить объективность при выполнении ими столь деликатной задачи.

Кроме того, итальянское правительство сочло целесообразным предложить кандидатуру г-на Лифа Игленда (Южно-Африканский Союз), учитывая его хорошо известный опыт и всестороннее знакомство с соответствующими проблемами, а также принимая во внимание тот факт, что югославское правительство предложило назначить г-на Мориса Дежана.

Лючиано МАША
Итальянский наблюдатель
при Организации Объединенных Наций
(См. продолжение сноски 1 и сноску 2 на стр. 104.)